

Чертовка

Автор:

Бертрис Смолл

Чертовка

Бертрис Смолл

Гарем Бертрис Смолл

Своенравная и неукротимая Изабелла Лэнгстонская становится полновластной хозяйкой родового имения после смерти отца. Неожиданно на имение предъявляет свои права Хью Фоконье, отважный рыцарь, законный наследник Лэнгстонского замка. По приказу короля он становится мужем прекрасной Изабеллы. Беспокойные дни споров и перепалок между супругами сменяются ночами эротических фантазий...

Бертрис Смолл

Чертовка

© Bertrice Small, 1996

© Перевод. А.И. Блейз, 1996

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Моему лучшему другу из Ист-Энда

Андреа Ауррикио.

Что бы я делала без тебя, крошка!

Пролог

Англия

Август 1100 года

Торжественный прием в день Пасхи король Вильгельм Руфус провел в Винчестере. На Пятидесятницу он был в Вестминстере. В это время из деревушки в Беркшире дошли слухи, будто бы там забил из-под земли кровавый источник, и многие очевидцы подтверждали это. Когда вести о чуде дошли до короля, он лишь рассмеялся.

– Уж эти мне англичане! – сказал он. – Такой суеверный народ.

Священники угрюмо качали головами и перешептывались. Король был настоящим нечестивцем, он не уважал знамения, не верил в святые чудеса. «Он наверняка плохо кончит, – говорили священники, – как и его мерзкие приспешники».

Впрочем, те, кто хорошо знал Вильгельма Руфуса, высоко ценили его: к тем, кто погряз в невежестве и страхе, король мог быть суров без малейшего сострадания, но его никто не мог упрекнуть в недостатке справедливости по отношению к преданным слугам.

С первого августа начался сезон охоты на оленей, и Вильгельм Руфус отправился в свой охотничий домик в Новом Лесу с несколькими товарищами и младшим братом Генрихом.

Многие удивлялись, почему Генрих Боклерк (самый образованный из всех сыновей Вильгельма Завоевателя) в таких дружеских отношениях с королем: ведь наследник Вильгельма Руфуса вовсе не Генрих, а их старший брат Роберт, герцог Нормандский. Но несмотря на это, принц вроде бы не таил ни зависти, ни обиды, что так необычно для эпохи нескончаемых междоусобиц.

По плану охота должна была начаться на рассвете второго августа, но в этот день рано утром чужеземный монах поведал другу короля Роберту Фитцхеймо о предостерегающем видении, которое было явлено ему ночью.

Король согласился не выезжать на охоту с утра, хотя видение монаха несколько не испугало его. Просто король мучился от несварения желудка после чересчур обильной трапезы и выпивки накануне вечером.

– Во мне столько дурного воздуха, – иронически заметил он, – что олень почует меня издалека и спрячется; но после полудня мы все равно поедem на охоту.

Итак, после обеда Вильгельм Руфус со своими спутниками углубился в леса в поисках оленьих следов. Найдя истоптанное лесным зверьем местечко близ ручья, король спешил и притаился в кустах, поджидая, когда олень явится на водопой. Он знал, что его товарищ Уолтер Тайрел где-то неподалеку. Остальные охотники рассеялись, как было принято при такой охоте.

Внезапно в воздухе просвистела стрела и вонзилась в грудь Вильгельма Руфуса. Потрясенный король сжал стрелу рукой и, пошатываясь, сделал несколько шагов к ручью, ломая кустарник. Он не услышал ни звука, но глаза его встретились с глазами убийцы. В зарослях виднелось чье-то лицо. Король улыбнулся, узнав его. Во взгляде Вильгельма зажглось восхищение, почти одобрение. А потом король упал в грязь вниз лицом, ибо смерть настигла его и предъявила свои права.

Когда убийца Вильгельма Руфуса тихо скользнул прочь от трупа, листва даже не зашуршала. Уолтер Тайрел подошел к ручью и огляделся по сторонам. Увидев короля, он громко вскрикнул и поднял тревогу.

Через несколько секунд вокруг него столпились остальные спутники короля, в том числе и Генрих Боклерк с разинутым от изумления ртом.

– Mon Dieu, Уолтер! Вы убили короля! – во всеуслышание произнес Робер де Монфор.

– Нет! Нет! – ответил Тайрел. – Это не я, милорд! Король был уже мертв, когда я подоспел. Мы были вместе, но он обогнал меня. Я нашел его здесь. Клянусь!

– Я уверен, что это несчастный случай, – сказал Роберт Фитцхеймо. – Всем известно, что вы – человек чести, Уолтер, и у вас не было причин убивать короля.

– Неужели это место проклято? – громогласно рассуждал де Монфор. – Несколько лет назад брат короля Ричард погиб таким же образом, а прошлой весной то же самое случилось с его племянником. Несчастный случай на охоте.

– Король погиб не от моей стрелы, – упрямо повторил Уолтер Тайрел.

– Ну уж нет, это наверняка ваша стрела, – наклонившись, произнес де Монфор. – Смотрите, это одна из двух стрел, которые дал вам сегодня король. Вы что, не помните, Тайрел? С утра пришел кузнец и принес шесть стрел. Король еще похвалил его искусство. Он взял четыре стрелы себе, а вам дал две. А сейчас у вас осталась только одна, верно?

– Одну я выпустил раньше, – настаивал Тайрел. – Вы сами видели, как я выстрелил в первого оленя. Но промахнулся и не нашел стрелы. Неужели вы забыли?

– Это несчастный случай, – примиряюще произнес Фитцхеймо. – Ужасная случайность. Не надо никого винить. Вам же, милорд, я посоветовал бы вернуться в свои владения, во Францию, – Пуа, если я не ошибаюсь? Наверняка найдутся горячие головы, которые захотят отомстить за это печальное происшествие. В седло, милорд! И скачите без оглядки!

Уолтеру Тайрелу, графу Пуа, не пришлось объяснять дважды. Он был не настолько туп, чтобы не понять, что здесь дело нечисто. Но он не желал отвечать за то, в чем был невиновен. Вскочив на своего коня, он галопом

помчался прочь. Не задерживаясь у охотничьего домика, он напрямик направился к побережью, где первым же кораблем намеревался отплыть во Францию.

– Король умер, – тихо проговорил Робер де Монфор.

– Да здравствует король! – торжественно отозвался Фитцхеймо.

Вильгельма Руфуса похоронили на следующий день, в пятницу.

В воскресенье, пятого августа, его брат Генрих (который даже не стал дожидаться похорон короля и поспешил в Винчестер, чтобы позаботиться о королевской казне) был коронован в Вестминстере вопреки желанию своего отца, завещавшего передать трон Роберту после Руфуса. Генрих, младший из сыновей Завоевателя, обосновал свои претензии на трон тем, что он – единственный наследник, родившийся в Англии.

– Я, – дерзко заявил он баронам, – единственный законный наследник короля Англии, ибо, когда я родился, мой отец был королем Англии, а впервые я увидел свет в Селби, в Йоркшире. Мой брат, герцог Роберт, родился тогда, когда мой отец был еще герцогом Нормандским.

Король Генрих пообещал исправить все ошибки предыдущего монарха. Но заботило его совсем другое: он не спускал глаз с Нормандии – герцогства, принадлежавшего его старшему брату Роберту, который в это время был в крестовом походе.

Первым делом Генрих разослал гонцов ко всем землевладельцам Англии с требованием присяги на верность. Генрих хотел удостовериться в безоговорочной верности англичан, прежде чем приступить к воссоединению с Англией исконных отцовских владений.

О том, чтобы разъединить эти две территории, не могло быть и речи. Король Генрих, вне всяких сомнений, был законным королем Англии, а следовательно, и властелином Нормандии.

Часть первая

Лэнгстон

Зима 1101 года

Глава 1

– Ты должен жениться, Хью Фоконье, – с улыбкой произнес король. Он взял за руку свою молодую супругу и пылко сжал ее. Король Генрих сыграл свадьбу чуть более месяца назад. И несмотря на то что королеву выбрали по политическим соображениям, молодожены питали друг к другу достаточную приязнь. Они уживались вполне неплохо, хотя познакомились в день своей свадьбы.

Эдит, которую переименовали в Матильду, чтобы угодить нормандским баронам ее мужа, была очень хорошенькой женщиной; она унаследовала от матери каштановые волосы и серо-голубые глаза. И подобно своей матери была весьма набожной. Она намеревалась уйти в монастырь, но Генрих, стремившийся укрепить северную границу в преддверии захвата Нормандии, попросил у шотландского короля руки его сестры. Невесту тут же отправили на юг, поскольку шотландскому королю в любую минуту могла потребоваться военная поддержка своего английского зятя. Не последнюю роль сыграл и тот факт, что Эдит-Матильда тоже принадлежала к прямым потомкам последних англосаксонских властителей.

Все присутствовавшие обернулись, чтобы взглянуть на предмет внимания Генриха. Рыцарь Хью Фоконье был саксонцем. Он знал нынешнего короля почти всю жизнь.

– Я женился бы с радостью, если бы моя супруга принесла мне столько наслаждения, как вам приносит королева, – любезно ответил он, – но, увы, мой сеньор, у меня нет ни средств, чтобы содержать жену, ни земель, где я мог бы поселить ее.

– Теперь есть, – сдержанно улыбнувшись, возразил Генрих. – Я возвращаю тебе Лэнгстон, Хью. Что ты об этом думаешь?

– Лэнгстон?! – Хью был потрясен. Лэнгстон – мечта всей его жизни. Там находилось их родовое гнездо, там когда-то жил его отец, но Хью никогда не видел своего отца, который вместе с его дедом и двумя дядьями погиб в битве при Гастингсе. Когда эти ужасные вести дошли до матери Хью, она, повинувшись какому-то невероятному прозрению, немедленно собрала все семейные ценности и вместе со слугами бежала на запад, через всю Англию, в земли своего отца. Хью родился через семь с половиной месяцев. После смерти матери его воспитывала бабка по материнской линии, нормандская аристократка, состоявшая в отдаленном родстве с Вильгельмом Завоевателем. Лэнгстон достался нормандскому рыцарю, преданному слуге короля Вильгельма.

– С того времени, когда правил мой отец, многое изменилось, – тихо сказал король Генрих. – Подойди ко мне после обеда, Хью, я хочу побеседовать с тобой наедине. Я все объясню тебе, друг мой.

Двор расположился в Вестминстере, празднуя Рождество. Но хотя с появлением королевы ко двору вернулись женщины, праздничного настроения не чувствовалось, поскольку король все еще пребывал в трауре по своему брату Вильгельму Руфусу. Кроме того, существовала большая вероятность, что герцог Роберт Нормандский с приходом весны попытается свергнуть Генриха с английского трона.

До того как Генрих стал королем, он всю жизнь буквально разрывался между двумя братьями – герцогом Нормандии и королем Англии, – пытаясь угодить обоим. Это было нелегко; вдобавок его старшие братья в своих завещаниях объявили друг друга наследниками, оставив Генриха не у дел.

Потом папа Урбан II стал призывать к крестовому походу, чтобы освободить Иерусалим от сарацинов. Герцог Роберт, уставший от междоусобиц в своих владениях и от вражды с соседними государствами, отчаянно возжаждал приключений и последовал призыву папы. Но прежде он отдал Нормандию под залог своему брату Вильгельму Руфусу, поскольку для снаряжения такой славной экспедиции ему нужно было много серебра. Срок займа назначили в три года. К концу этого срока герцог Роберт обязался вернуть деньги королю Вильгельму Руфусу и забрать свои земли. Роберт возвращался домой из первого Крестового похода под легким бременем славы, с новой молодой женой

Сибиллой, дочерью Жоффруа из Конверсано, лорда Бриндайзи, и племянницей сицилийского короля Роджера. В это время Вильгельма Руфуса убили в Новом Лесу, а Генрих, младший сын Вильгельма Завоевателя, без проволок завладел казной и стал королем Англии.

Бароны не взбунтовались – у них были на то свои причины. Большинство считало, что Генрих сильнее своего старшего брата. Но с возвращением Роберта следовало ждать войны. Королю было совершенно необходимо собрать как можно больше сторонников, поскольку многие из его лордов владели землями как в Англии, так и в Нормандии. И Генрих понимал, что они окажут поддержку тому из сыновей Завоевателя, у которого, по их мнению, будет больше шансов на победу.

Хью Фоконье опустился на скамью, все еще оглушенный словами короля. Лэнгстон! Он получит Лэнгстон! Как обрадуются дед и бабка! Хью хотел бы, чтобы его мать дожила до этого дня, но бедняжка умерла почти сразу после его рождения.

– Вот везучий черт! – Друг Хью, Рольф де Бриар, ткнул его пальцем под ребра. – Признайся, как тебе удалось заслужить такой подарок? Я знаю, ты выращиваешь лучших в Англии охотничьих птиц, но ведь этого мало! – Рольф поднял чашу, кивнув своему соседу за столом, и отхлебнул добрый глоток вина. – Поместье большое?

Хью покачал головой:

– И не представляю, Рольф. Я никогда его не видел, даже точно не знаю, где оно находится... кажется, на востоке Англии. Моя бабка Эмма часто рассказывала, как там красиво. Она однажды побывала там, приехала на свадьбу моих родителей.

– Одним словом, король вполне может подсунуть тебе какую-нибудь гадость, – заключил Рольф. – А что случилось с тем лордом, которому отдали поместье после Гастингса? Земля-то там хоть пахотная? Дом есть? Сколько крепостных, сколько свободных? Тебе надо все это выяснить.

– Я ничего не узнаю, пока король не соблаговолит мне об этом рассказать. – Хью рассмеялся, придя в себя от здравых рассуждений Рольфа. – Ты поедешь со мной

в Лэнгстон?

– А как же! – с готовностью откликнулся Рольф. Он приехал ко двору искать счастья и ужасно скучал. А предложение Хью пахло приключениями.

Обед подошел к концу, музыканты наигрывали негромкую мелодию. Хью Фоконье поднялся из-за стола, установленного на козлах, и направился к высокому королевскому столу. Он молча терпеливо ждал, когда Генрих заметит его. Наконец к нему подошел королевский паж и проводил его в маленькую комнатку без окон, где стояли два стула и стол.

– Подождите здесь, сэр Хью, – сказал мальчик и исчез за дверью.

Хью никак не мог решить, садиться ему или нет. В конце концов он решил подождать короля стоя и сесть, если тот предложит. Он нервно мерил шагами комнату. Но вот дверь внезапно распахнулась, и вошел король Генрих. Паж следовал за ним с вином и двумя кубками.

– Садись, сэр Хью, – добродушно пригласил король. – Налей нам вина, парень, – велел он юному пажу, который проворно исполнил приказание и вышел из комнаты, оставив Хью наедине с королем. Генрих поднял кубок. – За Лэнгстон! – произнес он.

– За Лэнгстон! – отозвался Хью Фоконье.

Генрих осушил залпом половину кубка и заговорил:

– Когда мой отец пришел в Англию, Лэнгстон был дарован Роберту де Манвилю. В ту пору он был еще почти мальчиком, но на поле битвы спас жизнь моему отцу. Как тебе известно, мой отец умел награждать за отвагу и преданность. И преданность Манвиля понравилась ему. В Нормандии у де Манвиля было мало земель в отличие от некоторых других спутников моего отца, следовавших за ним в Англию. Впоследствии этот рыцарь женился, произвел на свет двух сыновей, овдовел, женился повторно и родил дочь. Несколько лет назад он решил сопровождать моего брата, герцога Роберта, в Крестовый поход. Его дочь, родившаяся здесь, в Англии, всю жизнь прожила в Лэнгстоне со своей матерью.

Король на мгновение умолк, чтобы отхлебнуть еще вина, и продолжал:

– Сэр Роберт и его сын сэр Уильям погибли в битве при Аскалоне около семнадцати месяцев назад. Младший сын Ричард, узнав об этом, почти сразу же женился. Перед тем как отправиться в поход, сэр Роберт объявил в завещании своим наследником Уильяма, а если Уильям умрет – то Ричарда. Земли же, находившиеся в Англии, он оставил своей дочери Изабелле. Насколько мне известно, девушке сейчас пятнадцать лет.

После смерти моего брата в Новом Лесу я послал гонцов ко всем, кому даровали земли в Англии мои отец и брат, и попросил их принести мне присягу. Многие повиновались. Но среди них не было Изабеллы из Лэнгстона. Дважды я посылал к ней с требованием присягнуть мне, но она ничего не ответила на мое приглашение ко двору. Ей не хватает твердой мужской руки, чтобы наставить на путь истинный. Но что, если она пренебрегла моим призывом по совету своего нормандского брата Ричарда? Что, если она принесла присягу моему брату Роберту? Что-то я не доверяю этой девице, Хью.

Знаешь ли ты, в какой части Восточной Англии находится Лэнгстон? Он всего в нескольких милях от устья реки Влит, впадающей в море близ Уолберсвика. Над рекой возвышается главная башня каменного замка, которую сэр Роберт выстроил на месте дома твоего отца. Она практически неприступна и выгодно расположена. Лэнгстонским замком должен владеть человек, которому я полностью доверяю. И я считаю тебя таким человеком, Хью.

Хотя ты никогда не видел своего родового гнезда, я знаю, что могу доверять тебе по множеству причин, самая главная из которых – то, что у тебя нет земель в Нормандии. Тебе не приходится делить свою преданность между двумя хозяевами, как некогда приходилось мне и как поступают многие из моих самых могущественных баронов. Весной вернется мой брат и попытается отнять у меня Англию. Если я смогу собрать достаточно надежных сторонников, то без труда отстою принадлежащее мне по праву. А после присоединю к Англии и Нормандию. Покойный рыцарь де Манвиль оставил Лэнгстон в наследство своей дочери с одной-единственной целью. Это – ее приданое. Во имя рыцарской чести я не могу выгнать из замка девушку и ее овдовевшую мать. Поэтому поручаю тебе взять эту девушку в жены. Поскольку она – осиротевшая англичанка благородного происхождения, я имею право устроить ее брак. Ее родные не смогут ни пожаловаться на это, ни помешать мне. Никаких законных препятствий этому браку нет. Ты ни с кем не обручен, так же как и эта девица. Я

пошлю с тобой одного из моих личных священников, отца Бернарда. Женщины должны убедиться, что я не намерен отнимать у них Лэнгстон или лишать чести леди Изабеллу. Отец Бернард освятит ваш брак и привезет мне известия о том, что все произошло по моему приказу. Если же брат девушки вздумает пожаловаться на меня своему сеньору, моему брату Роберту, ты должен хорошо защищать Лэнгстон.

– Когда вы желаете, чтобы я отправился в путь, мой сеньор? – спросил короля Хью Фоконье. С виду он был спокоен, но в душе его бушевала буря. Сердце бешено колотилось от волнения и предвкушений; но из почтения к королю рыцарь не выказывал никаких чувств.

– Тебе понадобится один день, Хью, чтобы твой оруженосец собрался в путь, – ответил король. – Я пошлю гонца к твоему деду, лорду Седрику, и сообщу ему о своих намерениях. Я надеюсь, что, когда ты станешь землевладельцем и главой семейства, ты не перестанешь выращивать своих чудесных птиц. Это лучшие птицы в Англии.

– Как только я устроюсь на новом месте, сир, я пошлю к моему деду за племенной породой. Мои дядья и кузены не интересуются птицами, так что никакой зависти с их стороны не будет.

– Я счастлив слышать это, Хью, ибо мне не хотелось, чтобы угас прекраснейший во всей Англии род Мерлинсонов. Твои предки всегда выращивали лучших охотничьих птиц. Тебе известно, что мой отец впервые встретился с твоим дедом, когда много лет назад он приехал в Нормандию, чтобы участвовать в состязании со своими птицами? Именно тогда лорд Седрик впервые стал склоняться на сторону моего отца. Его преданность моему отцу после смерти короля Эдуарда и усилия, которые он приложил, чтобы усмирить мерсийскую округу, вызвали множество похвал. – Король улыбнулся собеседнику. – Но я отнимаю у тебя время, Хью, а тебе предстоит уладить еще много дел, прежде чем отправиться в Лэнгстон.

– Я прошу у вас позволения взять с собой Рольфа де Бриера, мой сеньор, – сказал рыцарь.

Генрих кивнул:

– Да, он хорошо будет защищать твою спину, Хью. Возьми его с собой.

Хью поднялся и преклонил колени перед своим господином, вложив ладони в руки короля.

– Я – ваш слуга. Я буду преданно защищать Лэнгстон до конца своих дней, сир, – поклялся он.

Король поднял Хью Фоконье и расцеловал его в обе щеки. Потом вручил ему резной деревянный жезл, означавший, что Генрих передает Лэнгстон в вассальное владение своему рыцарю. Поклонившись, Хью вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, Генрих улыбнулся. Он был доволен своими трудами. Много лет назад он посвятил Хью Фоконье в рыцари. Друг детства нынешнего короля еще тогда принес ему присягу на верность. Естественно, его присяга Вильгельму Руфусу превосходила по силе эту клятву; но с тех пор, как прошлым летом Генрих занял английский престол, Хью обновил свою присягу, а сегодня опять повторил ее. «Едва ли среди моих рыцарей найдется более верный, – подумал король. – Есть другие, которые думают, что ближе ко мне, чем он; есть те, что богаче и сильнее этого рыцаря; но более преданного мне не найти. Я не вижу в нем злых помыслов». Король осушил до дна кубок с вином и отправился к своей супруге.

– Ну? – нетерпеливо спросил Рольф де Брияр, увидев вернувшегося Хью. – Что ты получил от короля, дружище? И стоит ли ездить за этим подарком?

– Насчет земель я ничего не узнал, но там есть относительно новая каменная крепость. Каменная, Рольф, а не деревянная! А еще мне обещают в жены девушку. Что ни говори, сделка недурна!

– Какую девушку?! – подпрыгнул Рольф. – Там есть девушка? Как ее зовут? Она красива? Нет, ты мне лучше другое скажи: она богата?

– Ее зовут Изабелла Лэнгстонская. Она – дочь умершего хозяина поместья, и я не имею ни малейшего представления о том, красива ли она и богата ли. – И Хью принялся пересказывать своему другу историю Лэнгстона и соображения короля по поводу отказа его невесты принести присягу на верность. – Вероятно, девушка испугана тем, как все обернулось, и все еще не оправилась после

гибели отца и брата. Она получила изящное воспитание, но ее не научили, как вести себя в такой ситуации. Я наведу там порядок, и по весне эта маленькая птичка споет мне песнь любви.

Рольф рассмеялся:

– За этой птичкой, друг мой, наверняка будет присматривать ее мамаша, и эта добрая леди доставит тебе множество затруднений. Ты для нее будешь чужим и вряд ли сможешь исключить влияние матери на девушку.

– Когда она станет моей женой, – серьезно проговорил Хью Фоконье, – у Изабеллы не останется другого выбора, кроме как подчиняться мне. Если начнутся неприятности с ее матерью, я отправлю ее к пасынку в Нормандию, Рольф.

«Дерзко сказано, и план не из робких, – подумал Рольф де Бриар, – но ведь Хью Фоконье всегда шел напролом». Обоих друзей прислали ко двору для воспитания в семилетнем возрасте. Ни у того, ни у другого не было никаких реальных перспектив. Хью был сиротой, а Рольф – младшим сыном в семье. Они тут же стали закадычными друзьями. Королева Матильда воспитывала и обучала их вместе со своим младшим сыном Генрихом. Они то и дело путешествовали из Англии в Нормандию и обратно вместе с королевским двором. Сначала они были пажами, потом – оруженосцами; наконец, после смерти короля Вильгельма I их посвятили в рыцари. Добрая королева, как ее называли в народе, пережила своего мужа лишь на четыре года.

При дворе короля Вильгельма II все было совсем иначе.

Вильгельм Руфус не питал особого почтения к излишне набожным и напыщенным церковникам. Он был прямолинейным, прямодушным человеком и за преданность платил преданностью и щедростью; измену же карал мгновенно и сурово. При дворе его не было женщин: только пышно разодетые молодые мужчины. Ходили слухи – совершенно неоправданные, – будто бы король предпочитает хорошеньким женщинам хорошеньких мальчиков. Король только улыбался, не желая ни опровергать, ни подтверждать эти сплетни. И поскольку никого не могли определенно назвать фаворитом короля, церковь была вынуждена довольствоваться пустыми сплетнями. Впрочем, король так и не женился и не произвел на свет ни одного внебрачного ребенка.

Рольф подумал, что они с Хью тоже могли бы повторять эти пересуды, но никогда этого не делали. Просто король был мужчиной. У него не оставалось времени на нежности. Рольф и Хью выполняли свои обязанности и ждали благоприятного случая. У каждого из них была всего одна жизнь. Но вот наконец Хью получил во владение землю. И Рольф, имевший доброе сердце, от души радовался за своего друга.

Два дня спустя Хью и Рольф отправились в Лэнгстон в сопровождении своих оруженосцев и отца Бернарда, пожилого человека, сохранившего удивительную энергию. Четыре дня они ехали через Эссекс, а затем добрались до Саффолка. Стоял январь, холодный, сырой и ветреный. На пути встречались лишь пастухи, перегонявшие скот с одного пастбища на другое. Священник устраивал ночлеги в гостевых домах духовных орденов, в изобилии рассыпанных по сельской местности. За мелкую монету путники получали горячий ужин и мягкую постель, а после утренней службы, перед тем как тронуться в дорогу, – овсянку, хлеб и сидр. Отец Бернард предупредил своих спутников, что без посещения службы на завтрак рассчитывать не стоит.

– Таким примерным прихожанином я не был уже много лет, – с усмешкой произнес Рольф в последнее утро их путешествия.

Священник и оруженосцы рассмеялись, Хью только сдержанно улыбнулся: его больше интересовали окрестности, чем шутки Рольфа. Местность в целом была равнинной, слегка покатой, явно не хватало холмов, привычных для Хью с детства. Время от времени попадались просторные луга и прекрасные старые рощи. Дома, встречавшиеся на пути, были обиты досками и оштукатурены, крыши аккуратно покрыты соломой; каменных строений нигде не было видно. В общем, эти земли выглядели вполне благоустроенными и процветающими, как оно и было на самом деле.

Попадались небольшие порты, где стояли рыболовные лодки; порой сюда заходили торговые суда. Повсюду паслись стада коров и овец. Саффолк был самой густонаселенной из саксонских областей Англии благодаря так называемому закону делимого наследства, позволявшему землевладельцам делить свои земли поровну между всеми детьми. В других районах Англии это было не принято.

Дорога петляла по тихой сельской местности, и Хью подумал, что сейчас он со своими спутниками словно бы отрезан от всего мира. Через эту область не проходил ни один из больших торговых путей. Воздух был холодным и влажным, тишина – почти гнетущей. Оказавшись вдали от королевского двора с его хлопотами и заботами, Хью обнаружил, что зима в действительности – очень красочное время года. Черные ветви деревьев четко вырисовывались на фоне серого неба. Болотные камыши и трава, расцвеченные всеми красками от красновато-коричневой до золотой, пробивались то там, то сям на темной земле и на обледеневших берегах ручьев и рек, густой сетью покрывавших безлюдный зимний ландшафт.

Хью заметил, что эти земли годятся как для пастбищ, так и для пахоты. Он раздумывал о том, сколько земель принадлежит хозяину Лэнгстона и хватает ли крепостных, чтобы возделывать их. Что там выращивают? Разводят ли овец и коров? Есть ли мельница? С каждым шагом своего коня Хью Фоконье все больше преисполнялся нетерпением: когда же он наконец увидит владения своих предков?

– Вот, милорд, прямо перед нами, за рекой, – сказал отец Бернارد. – Если я не ошибаюсь, это и есть Лэнгстонский замок.

Путники остановились на обрывистом берегу над рекой Блит. Хью внимательно осмотрел окрестности.

– Здесь нет моста, – заметил он.

– Значит, где-то поблизости должен быть перевозчик, – рассудительно ответил Рольф.

Они направились вниз по склону и поскакали вдоль берега. Вскоре, прямо напротив Лэнгстонского замка, они увидели на той стороне реки плоскодонку, но перевозчика в ней не было. Оруженосец Хью, Фальк, заметил на берегу шест с колоколом. Повернув коня, он что было сил зазвонил в колокол; несколько секунд спустя на том берегу показался бегущий к лодке человек.

– Молодец! – похвалил оруженосца Хью. Потом перевел взгляд на Лэнгстонский замок. Король говорил, что прежде на этом месте находился старый дедовский дом. Замок действительно был каменный, и Хью задумался, откуда удалось

достать столько камня. Двухэтажная главная башня была прямоугольной формы. Как положено, она находилась на земляном холме и благодаря этому возвышалась над окрестностями. Холм окружал широкий и глубокий ров, наполненный водой. Верхняя часть холма была обнесена стеной, а за стеной поднималась главная башня. От ворот замка через ров был переброшен деревянный подъемный мост. «Очень внушительно», – подумал Хью.

Но лодочник уже приближался и махал рукой всадникам; времени на размышления больше не было.

– Ты не сможешь перевезти нас всех за один раз, – сказал Хью, обратив внимание на размер лодки. – Фальк, Жиль, вы переправитесь после нас. Вам надо позаботиться о вьючных животных.

Оруженосцы кивнули.

Река была неширокой, но с удивительно сильным течением. Лодочник оказался опытным в своем деле, и на переправу не ушло много времени. Два рыцаря и священник двинулись вверх по крутому берегу, пересекли подъемный мост и прошли под навесной башней во двор замка. Они увидели ворота башни и конюшню. Мальчик-слуга подбежал к ним, чтобы привязать лошадей. Из ворот навстречу им вышел пожилой человек. Приблизившись, он увидел Хью Фоконье и подошел еще ближе, внимательно вглядываясь в лицо рыцаря.

– Милорд Хью! – воскликнул он дрожащим голосом. – Не верю своим глазам! Нам сказали, что вы погибли при Гастингсе вместе с вашими сыновьями! – Слеза скатилась по морщинистому лицу старика. Он протянул трясущуюся руку и прикоснулся к руке Хью. – Вы ли это, мой добрый господин? Вы ли это или призрак явился смутить наши души?

– Как тебя зовут, старина? – спросил Хью.

– Я Элдон, милорд. Неужели вы не помните? Впрочем, когда вы отправились сражаться с нормандцами, я был еще мальчишкой, – ответил старик.

– Что ж, мой добрый Элдон, я сын вашего лорда Хью. Помните ли вы мою мать, леди Ровену? Когда она бежала из Лэнгстона после битвы при Гастингсе, я еще и двух месяцев не провел в ее чреве. Меня называли в честь моего деда и отца.

В глазах старого слуги зажегся огонек понимания.

– Вы так похожи на вашего деда, – сказал Элдон. – Добро пожаловать, милорд Хью! Добро пожаловать домой, в Лэнгстон! – И он с силой сжал руку молодого рыцаря.

– Ты отведешь меня к хозяйке замка, Элдон? – спросил Хью.

– О да, милорд, и почту за честь сделать это, – раздался ответ. Элдон повернулся и повел гостей вверх по ступеням башни в жилые помещения.

Они поднялись на второй этаж. Хью знал, что на первом этаже хранятся основные запасы. На втором же должен жить хозяин замка со своей семьей. Гости и Элдон оказались в Большом зале, и Хью увидел, что несколько дверей ведут из него в другие комнаты. Вдоль одной из стен зала располагались в ряд несколько изящных стрельчатых окон. Напротив входа возвышался деревянный помост, на нем – стол отличной работы, покрытый белоснежной льняной скатертью. В зале было два больших камина. У одного из них сидела за ткацким станком женщина приятной наружности.

– Госпожа, – с поклоном обратился к ней Элдон. – Лорд Хью вернулся домой в Лэнгстон.

Больше никаких объяснений он давать не стал.

Женщина поднялась.

– Добро пожаловать, милорды, – учтиво проговорила она, – хотя я не понимаю, что хотел сказать Элдон. В последнее время он стал несколько рассеянным, но всегда верно служил хозяевам этого замка, так что мы прощаем ему эти маленькие слабости. Я леди Алетта де Манвиль. Могу ли узнать ваши имена, милорды? – Но прежде чем те успели ответить, она отвернулась. – Элдон, принеси вина для наших гостей, – распорядилась она и снова повернулась к ним, любезно улыбаясь.

– Благодарим вас за радушный прием, миледи Алетта. Я отец Бернард, королевский священник, – представился святой отец. – Я привез вам от короля

Генриха несколько известий. Этот молодой человек – лорд Хью Фоконье. Его спутник – Рольф де Брияр. Мы приехали из Вестминстера.

– От короля Генриха?! – На прекрасном лице леди Алетты отразилось смущение. – Разве король Вильгельм Руфус больше не правит Англией?

– Король Вильгельм умер в августе прошлого года, миледи, – ответил священник. – Неужели вы не слыхали об этом?

– Нет, святой отец, не слыхали, – сказала леди Алетта. – Мы здесь живем в таком уединении, вдалеке от больших дорог.

– Но разве за последние несколько месяцев вас не посещал дважды королевский гонец? Насколько я помню, в начале сентября и в конце ноября.

– О да, милорд, гонцы были, – ответила дама. Она и впрямь была красавицей: небесно-голубые глаза и пышные светлые волосы, заплетенные в косы и прикрытые прозрачной белой вуалью. – Но никто из них не уточнял, от какого именно короля прибыл. Быть может, они решили, что в этом нет необходимости, а мы и не подумали спросить. – Она слегка пожала плечами.

– Так вы не читали послания, миледи? – продолжал расспрашивать священник.

– Нет, святой отец. Гонцы говорили, что эти бумаги предназначались для хозяина Лэнгстона, а мой супруг сейчас далеко от нас. Он ушел в поход с герцогом Робертом. Кроме того, я не умею читать. Я оказала гонцам должное гостеприимство и отложила документы до возвращения моего мужа.

Священник вопросительно поглядел на Хью. Тот сказал:

– Здесь вышла путаница, отец Бернард. Гонцы не сочли нужным сообщить леди о смерти короля и о смене правления. Что нам делать?

– Это ничего не меняет, сын мой, – ответил отец Бернард. – Приказ короля Генриха остается в силе. – Он снова повернулся к леди Алетте: – Садитесь, мадам. Вам предстоит услышать много новостей. Прошу вас, милорды, садитесь. – И священник уселся сам на скамью напротив хозяйки замка. – Из

ваших слов, миледи, я понял, что никто не сообщил вам о гибели вашего супруга прошлым августом в битве при Аскалоне. Ваш пасынок Уильям тоже погиб.

Дама на мгновение побледнела, перекрестилась, взяла поднесенный Элдоном кубок с вином и медленно отпила. Наконец она обрела дар речи и ответила:

– Нет, святой отец, я не знала о смерти Роберта. Значит, теперь титул перешел к Ричарду?

– Он женился, – сказал священник. – Быть может, за всеми этими хлопотами он позабыл о своем долге перед вами, миледи.

– Нет, – возразила леди Алетта. – Не забыл. Просто с того дня, как я вышла замуж за их отца, оба мои пасынка относились ко мне без всякого почтения. Да примут Господь и Пресвятая Богоматерь душу моего супруга. – Она на мгновение опустила голову, но священник заметил, что глаза ее оставались сухими. Взглянув на него, леди Алетта спросила: – Так зачем же король прислал вас в Лэнгстон, милорды? Это поместье не имеет никакой особой ценности. Что заставило короля Генриха обратить на нас внимание? Что мы значим для него, святой отец?

– Письма, которые передали вам, миледи, предназначались не для вашего мужа, а для вашей дочери. Король Генрих желал, чтобы она принесла ему присягу на верность. Когда она дважды пренебрегла его приглашением, король обеспокоился, ибо Лэнгстон находится в стратегически важном пункте. Если Англия окажется под угрозой вражеского вторжения, то такие замки, как ваш, на побережье и неподалеку от него, окажутся на первой линии обороны. – Проницательные серые глаза священника внимательно изучали лицо собеседницы в поисках каких-либо признаков лжи или страха, но Алетта де Манвиль выказывала лишь любопытство к неожиданным новостям. – Сэр Хью, – продолжал отец Бернард, – приходится внуком последнему саксонскому владельцу Лэнгстона, Хью Крепкой Руке.

После битвы при Гастингсе его мать бежала на запад, в родительский дом, где и родился сэр Хью. С семилетнего возраста он воспитывался при дворе королевы Матильды, поскольку его бабушка, леди Эмма, приходилась родственницей королю Вильгельму. – Отец Бернард остановился, чтобы дать хозяйке замка возможность обдумать эти известия.

– Умоляю вас, продолжайте, святой отец, – наконец сказала леди Алетта.

– Когда король Генрих услышал о смерти вашего мужа и понял, что вы с дочерью остались без опоры, когда он отчаялся получить от вашей дочери, наследницы Лэнгстона, присягу на верность, он решил, что наилучшим решением будет вернуть Лэнгстон единственному его законному наследнику – Хью Фоконье, другу детства и товарищу короля, – ибо король убежден в совершенной преданности лорда Хью.

– В таком случае, – произнесла Алетта де Манвиль, – мы лишаемся дома и наследства, святой отец? Что же будет с нами?

– О нет, леди, король вовсе не бессердечен. Он никогда бы не стал лишать собственности вас и вашу дочь. Король решил, что ваша дочь должна выйти замуж за Хью Фоконье. Она уже вошла в брачный возраст, и нам известно, что она ни с кем не помолвлена. Таким образом, – заключил священник, – все трудности решатся почти безболезненно. Я уверен, что люди Лэнгстона с радостью признают своим хозяином внука Хью Крепкой Руки; вы не лишитесь своего дома, а ваша дочь получит в мужья благороднейшего из рыцарей.

– Я выйду замуж только за того, за кого захочу! – послышался решительный голос из-за двери. И обладательница этого голоса немедленно вошла в зал уверенным шагом. К удивлению гостей, она была одета как мальчик; принадлежность к женскому полу в ней выдавала лишь длинная коса.

– Изабелла! – укоризненно воскликнула Алетта де Манвиль.

– О, мадам, умоляю вас, не надо смотреть на меня как загнанная лань. Это вам не идет, – насмешливо произнесла Изабелла Лэнгстонская.

Рольф де Бриар вытаращил глаза и еле удержался от смеха, но священника слова девушки, судя по всему, шокировали.

– Вам не следует, леди, обращаться со своей матерью столь непочтительно, – тихо сказал Хью. Если он надеялся встретить такое же утонченное и хрупкое создание, как Алетта де Манвиль, то жестоко просчитался. Девушка была высокой, стройной, но ширококостной, с медно-рыжими волосами. Ее глаза, зеленые с золотыми искрами, гневно и неприязненно всматривались в лицо

рыцаря.

– А кто вы такой, сэр, чтобы учить меня хорошим манерам? – яростно спросила Изабелла Лэнгстонская.

– Белли! – вполголоса произнесла ее мать, но дочка не обратила на это ни малейшего внимания.

– Боюсь, моя госпожа, что мне предстоит стать вашим супругом, что даст мне право распоряжаться вашей жизнью и смертью. Пока что я позволяю вам жить, – объяснил Хью без малейшего намека на юмор.

– Я выйду замуж только за того, за кого захочу! – повторила Белли.

Отец Бернард неохотно поднялся с теплого местечка у камина и, взяв девушку за руку, усадил ее туда, где прежде сидел сам.

– Король распорядился так, миледи Изабелла, что вы должны выйти замуж за этого доброго рыцаря, наследника последнего из саксонских лордов Лэнгстона. Ваш отец и старший брат погибли в Крестовом походе. А охрану замка – даже такого маленького, как ваш, – невозможно доверить женщине.

Холодное и надменное выражение лица девушки сменилось потрясенным, когда Изабелла услышала о смерти отца. Она изо всех сил пыталась сдержать подступившие слезы.

– Тогда я поеду к моему брату Ричарду в Нормандию, – упрямо сказала она. – Но замуж за саксонского подонка не пойду!

– О Белли! – не выдержала леди Алетта. – Ты же прекрасно знаешь, что Ричард нас не примет. Кроме того, он женился, а поместье Манвиль меньше, чем Лэнгстон. Ты ведь даже ни разу не была там. Там так уныло и мрачно! Я ненавижу Манвиль! Все эти годы замужества я была вынуждена ради мира в семье терпеть оскорбления твоих сводных братьев. О, они были очень осторожны и всегда вели себя почтительно при отце, так что он ни в чем не мог бы упрекнуть их. Он скорее нашел бы причины винить меня. Из всего, что я сделала за всю жизнь, Роберту де Манвилю понравилось лишь то, что я родила

тебя. Сначала он пришел в ярость из-за того, что ты оказалась дочерью, а не сыном. И только когда стало заметно, как ты похожа на него, ты превратилась в его обожаемую крошку. А Ричард и Уильям были с тобой милы только потому, что это нравилось Роберту, а не потому, что любили тебя. Они вообще не любили никого, кроме себя. Ричард не примет тебя, дитя мое, поверь мне! Ему больше не надо ублажать отца.

– Как вы смеете говорить о моем отце так дерзко, мадам? – возмутилась Белли. – Он был чудесным человеком, и я любила его.

– А он любил тебя – настолько, насколько вообще был способен любить, дитя мое, – ответила Алетта, – но я говорю тебе чистую правду. Твой брат не примет тебя, я уверена. Да и зачем тебе уезжать из Лэнгстона? Это твой дом. Ты любишь его. Ты должна быть благодарна королю за то, что он дает тебе хорошего мужа и позволяет остаться там, где ты хотела прожить всю свою жизнь, в Лэнгстоне. Не надо противиться своему счастью, Белли.

– Вы так слабы, мадам, – презрительно фыркнула девушка. – Неужели я – ваша дочь? Во мне ничего нет от вас, мадам. Мой отец предпочел бы видеть меня мертвой, чем замужем за саксонцем!

– Это легко устроить, – сухо произнес Хью Фоконье, дотронувшись до своего меча, и голубые глаза его посуровели.

Рольф де Бриар хихикнул, но веселость его сменилась изумлением, когда он увидел, что девушка выхватила из-под плаща короткий меч и приготовилась защищаться.

– Белли! – взвизгнула леди Алетта.

Отец Бернард перекрестился.

Хью проворно шагнул вперед и выбил оружие из руки девушки. Потом, схватив ее за руку, отвесил ей несколько звучных шлепков ниже спины, встряхнул и крепко стиснул ее плечи.

– А теперь слушай меня внимательно, чертовка! – проговорил он угрюмо и жестко. – Твой отец, упокой Господь его душу, погиб. Король Генрих возвратил мне Лэнгстон и повелел тебе стать моей женой. Король – мой добрый друг. Если бы он знал, какая ты негодница, он ни за что не стал бы навязывать мне такую жену, а просто заточил бы тебя в монастырь. Я вовсе не грубиян, леди, и дам тебе неделю-другую, чтобы ты успела привыкнуть ко мне. А потом отец Бернард обвенчает нас и вернется к моему сеньору доложить, что его пожелание исполнено. Ты поняла меня, Белли?

– Ты ударил меня! – свирепо прошипела Белли.

– Бить женщин не в моих привычках, – ответил Хью, ничем не выказывая своего смущения в том, что она вынудила его поступить подобным образом. Нет, он не сомневался, что ее нужно проучить; с этим было все в порядке. По светским и церковным законам он имел полное право распоряжаться этой девушкой по своему усмотрению. Но его дед Седрик Мерлинсон всегда говорил, что если мужчина допустил насилие над женщиной или животным, то он проиграл битву.

Изабелла яростно уставилась на него:

– Лучше я окончу свои дни в монастыре, чем выйду замуж за тебя, проклятый саксонец!

– К сожалению, леди, нам не приходится выбирать, – ответил Хью. Затем, отпустив девушку, он обратился к леди Алетте: – Отведите вашу дочь в спальню, мадам, и оставайтесь с ней, пока она не успокоится. А потом возвращайтесь ко мне, мы поговорим.

– Я тебя ненавижу! Я никогда не выйду за тебя замуж! – бросила через плечо Изабелла, пока мать тащила ее за рукав из Большого зала.

– Спокойной ночи, чертовка! Да пошлет тебе Господь приятные сновидения! – отозвался новый хозяин Лэнгстона.

– Вот так так! – воскликнул Рольф де Брияр, как только женщины скрылись за дверью. – Извини меня, Хью, но это мегера! Пускай отец Бернард поедет к королю и расскажет ему обо всем. Уж лучше эта девица отправится в монастырь, чем сядет тебе на шею до конца твоих дней!

Уверен, что среди подопечных короля для тебя найдется какая-нибудь сладкая ягодка вместо этой стервы.

– Да... мне даже жаль тот ни в чем не повинный монастырь, которому достанется такая мерзавка, – задумчиво проговорил священник. – Я склонен согласиться с сэром Рольфом. Мне кажется, эта девица не в своем уме.

Хью Фоконье покачал головой:

– Надо дать ей немного времени, чтобы она привыкла к грядущим переменам. Я не хочу отказываться от нее, пока остается шанс завоевать ее дружбу. Не забывайте, Изабелла только что испытала ужасное потрясение. Она узнала о смерти отца. И вдобавок ей предлагают в мужья совершенно незнакомого человека. Мне кажется, она испугана, хотя сама стала бы отрицать это изо всех сил. Она считает страх постыдным чувством.

– Ты слишком мягкосердечен, – вздохнул Рольф. – Это обычная невоспитанная стерва.

– Ее называют Адская Белли, – внезапно раздался глухой шепот. – Люди в Лэнгстоне боятся ее до смерти, милорд.

Трое мужчин повернулись и уставились на старого Элдона. Рольф не выдержал и расхохотался. Даже отец Бернард позволил себе улыбнуться.

– Я буду звать ее Сладкая Белли, – произнес Хью, и в его голубых глазах сверкнул хитрый огонек. – Когда я натаскивал особенно упрямого сокола или ястреба – такого, что клевал без всякого повода, – я управлялся с ним при помощи ласковых слов, небольших угощений и твердой руки, и в конце концов он начинал доверять мне. С этой чертовкой я буду обращаться точно так же, пока она не превратится в сладкоголосого ангелочка с нежным сердцем.

– Ты сошел с ума! – заявил Рольф. – Сама Пресвятая Богоматерь не смогла бы ее укротить! Если бы мне пришлось иметь дело с этой девкой, я учил бы ее собачьим хлыстом, пока она не стала бы подчиняться мне, или убил бы ее. – Рольф призадумался на мгновение. – Или она бы меня убила, – добавил он.

Теперь настала очередь Хью улыбнуться, и эта улыбка озарила его лицо. Молодого человека нельзя было назвать красавцем: высокий и ширококостный, с продолговатым лицом, крупным ртом и длинным носом, напоминавшим клюв птицы. Глаза – большие, ясные, чисто-голубые – явно украшали это заурядное лицо, да еще доброжелательная широкая улыбка открывала на всеобщее обозрение крепкие, удивительно белые зубы. Выражение лица его обыкновенно было серьезным, почти суровым; но когда он улыбался, зубы его блестели, а улыбка начинала светиться даже в глазах. В отличие от большинства мужчин он не выбривал затылок. Его темно-русые волосы не вились и были подстрижены сравнительно коротко.

– Давайте поглядим, насколько мне удастся приручить эту дикую птичку, которой так щедро наградил меня король. Если задача окажется невозможной, друзья мои, я посажу ее в клетку. Это будет нелегко, но мне кажется, я смогу покорить леди Изабеллу.

Глава 2

Алетта де Манвиль с неожиданной силой втокнула свою дочь в спальню. Захлопнув за собой дверь, она заперла ее на засов, повернулась и взглянула в лицо дочери:

– Ты что, совсем спятила, Изабелла?

Поведение матери озадачило девушку. Алетта была кротким, нежным созданием; она прежде никогда не выказывала характер, не произносила при дочери ни единого грубого слова. В основном презрение к Алетте, которое питала Изабелла, строилось на том, что мать никогда не могла настоять на своем и защитить собственное мнение.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, мадам, – ответила девушка, постаравшись вложить в эти слова как можно больше высокомерия. – Неужели вы рассчитывали, что я стану покорно смотреть, как наш Лэнгстон и меня в придачу отдают этому длиннолицему саксонскому ворюге?!

– Изабелла! – В мягком голосе Алетты слышалось уже настоящее раздражение. – Что бы ты ни думала о женщинах, у нас есть разум. Ты не глупа. Более того, ты очень умная девушка. Король Генрих имеет полное право отобрать у нас Лэнгстон. Даже я понимаю положение дел. Твой отец все время беспокоился об этом; он отправился в крестовый поход, чтобы не разрываться между английским королем и герцогом Нормандии, как большинство нормандских баронских семейств. Вот почему ты получила Лэнгстон, а Ричард – Манвиль. Так никому из вас не придется делить свою верность между двумя сеньорами. Ты – англичанка, твой брат – нормандец. Твой выбор очевиден.

Мы не выполнили приказ короля и не принесли ему присягу, и король испугался, что Лэнгстон может стать на сторону герцога Роберта. Наш замок – слишком важный стратегический пункт, чтобы позволить ему уплыть в руки врага. Потому-то король Генрих и решил вернуть поместье наследнику его первоначального владельца. Он знает, что может доверять своему другу детства. Вдобавок он почтил память твоего отца, предложив тебя в жены Хью Фоконье, чтобы мы не лишились дома. Неужели ты не видишь, что это решает все проблемы?

Алетта де Манвиль откинула упавший на лоб золотистый локон.

– Неужели не понимаешь, как нам повезло, глупышка? Если бы король Генрих не был настоящим христианином и не заботился о своих подданных, он бы и пальцем не пошевелил ради вдовы Роберта де Манвиля и его невинной дочери. А ты осмеливаешься что-то лепетать о своем брате Ричарде. Ему на нас наплевать! Настало время посмотреть правде в лицо, дочь моя. Твой отец женился на мне по двум причинам: чтобы было кому заботиться о сыновьях, которых ему родила первая жена, леди Сибилла, и чтобы произвести на свет еще детей.

Когда мы с Робертом поженились, Уильяму было девять лет, а Ричарду – пять. Они росли совершенно несносными мальчишками: в присутствии твоего отца неизменно вежливы и послушны, со мной же – грубы и непочтительны; вдобавок их постоянно защищала эта мерзкая старая ведьма, кормилица их матери. Если бы она не поощряла такое поведение, быть может, я бы и справилась с ними. Но она таким образом старалась поддержать память о своей покойной госпоже.

Ты думаешь, что твои братья любили тебя, Белли? Ты ошибаешься! Они выкрали тебя, двухмесячную крошку, положили в ивовую корзинку, отнесли к реке и уже собирались утопить. Если бы их не заметил караульный, мы бы не говорили с

тобой сейчас. Их старая нянька ползала передо мной на коленях со слезами на глазах (а я-то считала, что ведьмы не умеют плакать!), чтобы я не рассказывала Роберту об этом ужасном злодеянии. Узнай он об этом, не избежать бы им порки. И я не стала выдавать их, поставив условие, что они не приблизятся к тебе до тех пор, пока ты не будешь в состоянии защищаться. Старуха поклялась, что не подпустит их к тебе, и, надо отдать ей должное, сдержала свою клятву.

– А почему вы не родили еще детей? – с неожиданным любопытством спросила Изабелла, сообразив, что ее родители прожили в браке целых двенадцать лет, прежде чем отец отправился в Святую Землю.

– Вскоре после того, как ты родилась, твой отец утратил мужскую силу, – откровенно призналась Алетта. – Я была только рада. Несмотря на то что я досталась ему девственницей, мне кажется, что любовник из него был совершенно ужасный – бесчувственный, грубый. Даже если у женщины нет опыта, она всегда чувствует такие вещи.

К собственному ужасу, Изабелла покраснела от откровений своей матери. Элегантный, благородный отец всегда был для нее идеалом. Девушка изумилась, узнав, что Роберт вовсе не был совершенством.

– Впрочем, мой брак, – продолжала мать, – не то, что должно нас сейчас беспокоить, дочь моя. Нам необходимо поговорить о твоём браке.

– Я не выйду за этого тупорылого остолопа! – упрямо воскликнула Изабелла. – Неужели король не мог сосватать мне какого-нибудь красавчика вроде его друга? Кроме того, меня ведь не могут выдать замуж против моего желания, мадам, верно? – Она самодовольно улыбнулась и тут же задохнулась от возмущения, когда мать отвесила ей тяжелую пощечину.

– Неужели ты настолько глупа и действительно не понимаешь, что происходит, Изабелла? У тебя больше нет выбора. Лэнгстон уже не принадлежит тебе. Если ты не выйдешь замуж за Хью Фоконье, то кто возьмет тебя в жены? Кому нужна девица без земель и приданого? Вдобавок еще с такой спесью и дурным нравом! А что будет со мной, дочка? Тебя это совсем не заботит? Ты предлагаешь мне на старости лет скитаться по дорогам Англии и просить подаяния? Даже ты не можешь быть такой бессердечной, Белли! Не можешь!

Изабелла расхохоталась:

– Мадам, вы совсем не старуха! Напротив, вы красивы и еще молоды. Неужели не сможете найти себе нового мужа, который приютил бы нас обеих? Почему бы вам самой не выйти замуж за Хью Фоконье? Это было бы идеальным решением.

– Для тебя – возможно, но не для меня. Я не хочу больше выходить замуж. Теперь, став вдовой, я могу сама распоряжаться своей жизнью. Меня вполне устраивает такое положение, когда на меня никто не претендует. Будь умницей, Изабелла. Хью Фоконье – неплохой человек, он будет обращаться с тобой хорошо, если только ты предоставишь ему такую возможность и скажешь хоть несколько добрых слов.

– Он саксонец, мадам. Вам известно, как относился к саксонцам мой отец. Он их терпеть не мог, – напомнила девушка своей матери.

– Этот человек – друг короля, Изабелла. Священник сказал, что он вырос вместе с королем Генрихом. Если король принял его дружбу, то как же ты можешь отвергать его? Даже твой отец не пошел бы против сеньора. Ты просто обязана выйти за него замуж.

– Ни за что! – Изабелла гневно топнула ногой.

– Ты останешься в своей спальне и будешь жить на хлебе и воде, пока не передумаешь, – сказала не менее разгневанная Алетта. Она прекрасно знала, как ее дочь ненавидит заточение. Изабелла почти всю жизнь провела под открытым небом.

– Я убегу, – раздался дерзкий ответ.

– И куда же ты отправишься? – насмешливо спросила мать. – К своему драгоценному Ричарду? Даже если он согласится приютить тебя, Белли, какая жизнь ожидает тебя в Нормандии? Ты окончишь свои дни бесплатной прислужкой в доме брата. Лишившись Лэнгстона, ты лишишься приданого. Сейчас у тебя пока что есть молодость и красота. Конечно, ты не идеал красоты. Ты слишком высокая для девушки. Но все же среди знакомых твоего брата может найтись такой, что захочет сделать тебя своей любовницей. Неужели ты предпочтешь жить на чужбине в таком положении, чем хозяйкой Лэнгстона? Думаю, нет. –

Алетта предостерегающе подняла руку, увидев, что Изабелла открыла рот и хочет что-то сказать. – Не хочу больше слушать тебя, Изабелла. Я ухожу и советую хорошенько все обдумать. Я уверена, ты придешь к разумному решению.

Открыв дверь, Алетта прошла обратно в Большой зал. Она не забыла запереть дочь в спальне, прежде чем снова присоединилась к двум рыцарям и священнику, гревшимся у камина.

– Садитесь, мадам, – учтиво произнес Хью. – Скажите, леди Изабелла оправилась от потрясения? Она успокоилась? Я понимаю, что такой чувствительной девушке тяжело узнать о смерти своего отца в подобных обстоятельствах. Судя по всему, она очень любила его.

– Он избаловал ее, – тихо сказала Алетта де Манвиль, – и поскольку я ценю вашу доброту, милорд, давайте не будем притворяться друг перед другом. Изабелла вовсе не чувствительна. Она своевольна. Мне не позволяли воспитывать ее, потому что отец нашел в ней то, что считал величественным духом, которым он и восхищался, и забавлялся одновременно. По правде говоря, когда муж уехал, даже я признала, что ее сила является достоинством. Мне не хватало твердости, чтобы управлять Лэнгстоном. А Белли – хватало. Она родилась здесь и любит Лэнгстон больше всего на свете.

– Так ли сильно она его любит, чтобы выйти за меня замуж без дальнейших хлопот? – поинтересовался Хью.

На губах Алетты появилась легкая улыбка:

– Она еще не готова признать свое поражение, милорд. Она полна гнева и дерзости. Я сказала ей, что она останется в своей комнате на хлебе и воде, пока не одумается.

Хью кивнул:

– Быть может, проведя несколько дней в уединении, она сможет здраво рассудить, мадам. Не пришлете ли вы ко мне утром сенешаля? Хочу тщательно осмотреть Лэнгстон, чтобы подготовиться к весеннему севу.

– У нас нет сенешаля, милорд. Он был уже совсем стар и умер три года назад. Я не знала, кем мой супруг хотел заменить его, и не стала этого делать. С тех пор поместьем управляла Изабелла. Никаких записей не велось, поскольку у моей дочери прекрасная память на цифры и факты. Мы отлично со всем справлялись.

– Значит, завтра вашу дочь нельзя держать взаперти. Я должен как можно скорее ознакомиться с хозяйством, – сказал Хью.

– Тогда возьмите ключи, – предложила Алетта, протянув ему железное кольцо со связкой ключей от всех помещений Лэнгстонского замка.

Хью покачал головой.

– Они должны быть у вас, мадам, пока Изабелла не станет моей женой, – сказал он.

– В таком случае, – произнесла Алетта, поднимаясь со скамьи, – я позабочусь об ужине, милорды, и устрою для вас ночлег. К сожалению, у нас всего две комнаты для гостей. Мне понадобится день-другой, чтобы вынести вещи из моей спальни. Придется разместиться кому-то вдвоем в одной спальне, но я предоставляю вам самим решать этот вопрос. – Алетта присела в реверансе и торопливо покинула зал.

– Какая жалость, что король выбрал вам в жены ее дочь, а не эту вдову, – сказал отец Бернارد. – Она так очаровательна и благовоспитанна! Любой мужчина был бы счастлив с такой женой.

– Да, она хороша, – согласился Хью, – но, на мой взгляд, в ней не хватает остроты, святой отец. Дочь меня вполне устраивает. Леди Алетта не способна ничем удивить.

Вскоре их пригласили к столу и подали ужин. Еда была незамысловатой: мясистые креветки, слегка поджаренные и уложенные на листьях свежего кресс-салата; жаркое из кролика в винном соусе с морковью и луком-пореем; жирный сочный каплун с жареным луком; хлеб свежей выпечки; золотистое сливочное масло; щедрый ломоть сыра бри со слезой; и, наконец, чаша, полная желтовато-коричневых спелых груш. Кроме того, на столе стояли три кувшина: один – с сидром, другой – с элем, а третий – с темным красным вином. Подали

даже маленькое блюдечко с солью.

– Мой муж, – пояснила Алетта, – любил разнообразие и предпочитал сам наливать себе напитки.

Она села рядом с Хью, священник разместился по левую руку от нее, а Рольф де Брияр – справа от своего друга.

Стол был застелен белоснежной льняной скатертью и сервирован серебряными кубками и тарелками. Для жаркого предназначались ложки, рядом с каждым блюдом лежал специальный нож на тот случай, если бы кому-то понадобилось отрезать себе порцию, но все остальное ели пальцами, положив еду сначала на свою тарелку. В зале было тепло и уютно, два камина и свечи разливали золотистое сияние. Хью заметил, что пол не посыпан тростником, и спросил почему. Алетта объяснила, что не любит тростник, даже если его смешать с ароматными травами.

– От него только грязь разводится, милорд. Если все время бросать мусор и плевать на деревянный пол, от вони не избавиться. У нас ежедневно моют полы. Я повсюду расставила чаши с ароматными травами и сухими цветами, чтобы освежить воздух. Я ненавижу зловоние, а собаки часто мочатся в тростник. Чистый пол их отпугивает.

Хью улыбнулся. Его бабка Эмма говорила то же самое и тоже не позволяла посыпать тростником полы в зале.

– Согласен с вами, – сказал он.

Было решено, что Хью и Рольф разместятся в одной спальне, а отец Бернард займет другую. Обе комнатки оказались крошечными.

После ужина леди Алетта извинилась перед гостями и удалилась в свою спальню. Хью предложил ей оставаться в прежних покоях до его свадьбы с Изабеллой, но Алетта даже слышать об этом не хотела.

– Теперь вы хозяин Лэнгстона, сэр Хью, – твердо заявила она. – Вам по праву принадлежат главные покои замка. Но я благодарна за ваше учтивое

предложение. Я рада вашему приезду, несмотря на все эти неожиданности, и буду счастлива иметь такого зятя. – Алетта присела в реверансе и, повернувшись к священнику, спросила: – Вы завтра отслужите мессу, святой отец? Много времени прошло с тех пор, как нам выпадала такая благословенная возможность.

– Пока я в Лэнгстоне, совершать утренние службы – мой долг, – ответил отец Бернارد. – Можете также сказать вашим людям, что я почти за счастье принять их исповеди в любое время, когда они только пожелают.

– Благодарю вас, – с реверансом ответила Алетта. Потом, скромно улыбнувшись, она пожелала всем доброй ночи и удалилась в свои покои.

– Очаровательная дама, – одобрительно произнес священник.

– Приятная женщина, – медленно проговорил Рольф де Бриар, глядя, как за Алеттой закрывается дверь. – Просто идеальная жена.

– Черт подери! – воскликнул Хью и тут же смущенно улыбнулся. – Простите, святой отец. Рольф, я ни разу не слышал, чтобы ты так уважительно отзывался о какой-либо женщине, кроме твоей матери, да и то нечасто; ты ведь у нас отпетый сквернослов. Неужели эта вдова нашла путь к твоему сердцу?

Рольф встряхнулся, как промокший пес, и ответил:

– Это не важно, Хью. Все равно мне нечего предложить благородной даме. Я всего лишь бедный бездомный рыцарь.

– Отныне твой дом здесь, в Лэнгстоне, мой старый друг, – сказал ему Хью. – Мне нужен твой меч и нужен ты сам. Леди Алетта сказала, что сенешаль замка умер три года назад. Изабелла вела хозяйство, но не делала при этом никаких записей, потому что не умеет ни читать, ни писать. А ты умеешь, Рольф. Хочешь стать сенешалем Лэнгстона? Я предлагаю тебе почетную должность и буду обращаться с тобой по справедливости. Отец Бернارد может составить документ, подтверждающий наше соглашение.

Рольф де Бриар надолго задумался. Предложение показалось ему чудесным. У него нет других перспектив, кроме как вернуться ко двору короля Генриха таким же безземельным рыцарем, каким уехал. Должность сенешаля Лэнгстона принесет ему доход и почет, на которые он и надеяться не смел. Он сможет жениться. Кроме того, они с Хью давние друзья и прекрасно друг с другом ладят.

– Да! – воскликнул Рольф. – Я согласен стать сенешалем Лэнгстона, Хью, и спасибо тебе за это предложение.

– Значит, договорились, – сказал довольный Хью. – С утра после завтрака осмотрим поместье, а Изабелла будет нашим проводником. Она здесь все знает. Нам придется смягчить ее гнев, который, как я подозреваю, разгорится вовсю, когда она узнает о решениях, принятых этим вечером. А сейчас пора спать.

На рассвете отец Бернард начал свою первую службу в Большом зале: в Лэнгстоне не было ни церкви, ни часовни.

– Надо будет построить церковь, – твердо произнес Хью, и священник улыбнулся.

Изабелла стояла рядом с матерью, молчаливая и угрюмая. С ними были две служанки, которых накануне вечером гости не видели. После мессы, когда служанки собирались проводить девушку в ее спальню, Хью заговорил:

– С вашего разрешения, леди Алетта, я попросил бы Белли сопровождать нас с сэром Рольфом этим утром. Мы хотим осмотреть Лэнгстон. Если она поедет с нами, ей надо позавтракать.

– Как пожелаете, милорд, – пробормотала Алетта, опустив голову, чтобы скрыть блеск в глазах и легкую улыбку.

– Я не желаю ехать с тобой, саксонский ублюдок! – фыркнула Белли.

– Тем не менее, моя сладкая Белли, придется, – отозвался Хью. – Твоя мать сказала, что последние три года ты вела хозяйство в Лэнгстоне. Никто не знает лучше тебя, как здесь обстоят дела. Мне нужна твоя помощь. И потом, ты ведь

наверняка предпочтешь прогуляться на свежем воздухе, чем сидеть взаперти?

Белли метнула на него яростный взгляд. «Будь он проклят, – раздраженно подумала она. – Какое отвратительное самодовольство!» Белли хотела послать его к черту, но мысль о том, чтобы провести целый день в четырех стенах, была невыносима. Она знала, что мать не позволит ей лентяйничать и заставит шить, а то и прясть, – оба эти занятия она ненавидела лютой ненавистью.

– Хорошо, – неохотно ответила она. – Я покажу тебе Лэнгстон, но не думай, что победил меня! Ты – мой заклятый враг!

– Предупреждаю тебя, чертовка: я никогда не проигрываю сражений, – сказал Хью.

– Я тоже, саксонец, – свирепо отозвалась Белли и без лишних слов уселась за стол.

Слуги тут же поставили перед ней тарелку с овсяной кашей и теплый свежесвеженный хлеб, не забыв налить ей кружку сидра. Белли принялась с аппетитом поглощать овсянку, жадно прихлебывая сидр.

– В будущем, моя красотка, – прошептал ей на ухо Хью, – я хочу, чтобы ты всегда дожидалась, пока отец Бернард произнесет благословение.

– Как тебе угодно, саксонец, – ответила она, понимая, что он прав, но не желая признавать это. Слегка оттолкнув его, она протянула руку к сыру.

Схватив запястье Белли, Хью удержал ее руку.

– Позволь, я помогу тебе, моя сладкая Белли, – произнес он, отрезая ей ломтик твердого желтого сыра.

– Зачем ты так меня называешь? – ворчливо спросила она, откусывая сыр. – Я вовсе не твоя сладкая Белли, саксонец.

– Но я надеюсь, что, когда я наконец смогу пробиться через колючую изгородь, которой ты окружила себя, я найду за ней сладкую Белли, – ответил Хью.

Белли расхохоталась.

– Ох, Пресвятая Богоматерь! – насмешливо проговорила она.

Хью очаровательно улыбнулся ей:

– О-о-о, я заставил тебя рассмеяться, моя красotka! Ты очень мила, когда смеешься.

– Я смеюсь над твоей глупостью, саксонец, – сказала Белли. – Неужели придворные дамы без памяти падают в твои объятия, когда ты говоришь им такую чепуху? Я не такая, не надейся!

Хью фыркнул и сосредоточился на еде. Белли еще сама не понимала, что в ее защите уже появилась брешь.

После завтрака слуги принесли чаши с теплой водой для мытья рук и льняные полотенца. Потом Хью, Белли и Рольф отправились во двор замка, где их уже ждали оседланные кони. Одна из служанок торопливо подбежала к Белли и набросила ей на плечи плащ. Юный помощник конюха встал на колени, и Белли, даже не удостоив его взглядом, ступила ему на спину и забралась в седло своей лошади – серой в яблоках кобылы. Белли ласково потрепала ее по загривку.

– Возглавишь ли ты наш отряд, моя красotka? – спросил Хью.

Белли раздраженно взглянула на него:

– Поскольку ты сам не додумаешься, в какую сторону ехать, саксонец, я тебя провожу! – И она пустила свою кобылу шагом, проехав через ворота под навесной башней.

У подножия холма, на котором возвышался замок, прилепилась маленькая деревушка. В трудные времена ее обитатели могли укрыться под защитой замковых стен. Деревня состояла из одной-единственной улицы, вдоль которой располагались дома. Большую часть населения Лэнгстона составляли ремесленники, хотя здесь же находились дома семей слуг из замка. Дома были деревянные, покрытые светло-голубой, желтой и белой штукатуркой. За ними

расстилались поля и пастбища.

– Как получилось, – спросил Хью у Белли, – что замок и стены смогли построить из камня? Ведь ни в Саффолке, ни в Эссексе, ни в Норфолке нет каменоломен!

– Мой отец вез камни на полозьях через топи из Нортгемпшира, – ответила девушка. – Замку всего двадцать пять лет. Он был заложен в том году, когда родился мой брат Уильям. До того на этом месте стоял старый саксонский дом. Замок построили всего за несколько лет. Но леди Сибилла, первая жена моего отца, не хотела жить в Англии. В те времена мой отец приезжал в Лэнгстон дважды в году. Он состоял на службе у короля, а потом – у сына короля. Женившись в Нормандии на моей матери, он сразу же привез ее в Англию, потому что всегда хотел жить здесь. Здесь я и родилась.

– А я был зачат здесь, – сказал Хью.

– Что?! – удивленно переспросила Белли.

– Моя мать, – объяснил Хью, – родом из Уорсестера. Она вышла замуж за моего отца в июне, накануне битвы при Гастингсе. Ее родные, естественно, были на стороне герцога Вильгельма, который вскоре стал королем Англии. Семья моего отца поддерживала Гарольда Годвинсона, но мать любила моего отца и, как мне сказали, примирилась с этим. Когда до нее дошли известия о битве и поражении короля Гарольда, она собрала все ценности и вернулась в родительский дом. В то время она носила меня под сердцем. Вскоре после моего рождения она умерла. Моя бабка Эмма говорила, что она не смогла пережить вечную разлуку с мужем, погибшим при Гастингсе. Она успела лишь родить сына и назвать меня в честь отца.

Изабелла промолчала. Своевольная и несдержанная, она была доброй девушкой, хотя редко показывала это. И пускай рядом с ней ехал саксонский пес, но история, которую он рассказал, тронула ее душу. Всадники неторопливо следовали по деревенской улице, Изабелла показывала дома бондаря, дубильщика, плотника, сапожника, кузнеца, медника, гончара и мельника.

– У вас на удивление много ремесленников, – заметил Хью.

– За это следует благодарить твою семью, а не мою, – недовольно проворчала Изабелла. – Они все были уже здесь, когда приехал мой отец. Кроме этой деревни, есть еще два небольших поселения. Мы посетим их сегодня. Там живут те, кто возделывает наши земли.

Пока отряд проезжал по деревне, сельчане высыпали на улицу. Они указывали пальцами вслед всадникам и перешептывались между собой. Наконец, когда всадники поравнялись с кузницей, Изабелла снова заговорила:

– Мы должны навестить Старого Альберта. Это деревенский староста, он обидится, если мы не заглянем к нему.

Всадники остановились и увидели под навесом кузницы седого как лунь старика, развалившегося в кресле. Рядом с ним стояла его несколько более молодая копия, а чуть поодаль – четверо еще более молодых мужчин. Старик уставился на Хью и велел всадникам подъехать поближе. Заглянув в лицо новому хозяину Лэнгстона, он произнес удивительно сильным голосом:

– Он из рода Крепкой Руки. Вылитый дед.

– Это, – сказала Изабелла, – Старый Альберт, кузнец.

– По правде говоря, милорд, – сказал Старый Альберт, – я больше не занимаюсь кузнечным ремеслом. На это есть мой сын Элберт и его сыновья, и клянусь вам, они прекрасно справляются: ведь я сам обучал их!

– Ты знал моего деда? – спросил Хью.

– О да, и вашего отца, и дядей тоже. Я самый старый в этих краях, милорд. Я прожил уже восемьдесят зим. Ваш дед был честным человеком. И ваш отец, которого называли Хью Младший, был ему под стать. Я помню ваших младших дядей, Гарольда и Эдварда. Такие озорники, вечно гонялись за деревенскими девочками, а те только радовались, когда попадались в их объятия. – Старик закашлялся и покачал головой. – Они были слишком молоды, чтобы умирать, но ваша мать правильно сделала, что вернулась к своим родителям после битвы. Конечно, нашлись такие, что осуждали ее за это, но ведь она сохранила род Крепкой Руки. Благодаря ей я дожил до того дня, когда Лэнгстон вернулся к своему законному хозяину. Ведь Элдон сказал нам правду? Вы действительно

вернулись домой, Хью Крепкая Рука?

– Да, – ответил Хью, глубоко тронутый словами старика. – Наш добрый король Генрих возвратил мне Лэнгстон, да хранит его Господь и дарует ему долгие дни! Но, Старый Альберт, меня зовут Хью Фоконье, Хью Соколятник. Я выращиваю ловчих птиц. Вскоре они будут летать над землями Лэнгстона.

– А как же госпожа? – спросил Старый Альберт, взглянув на Изабеллу. – Ее отошлют из замка?

– А тебе бы этого хотелось, не так ли, старый подлец? – огрызнулась Белли.

– Госпожа по приказу короля должна стать моей женой, – ответил Хью собравшимся вокруг сельчанам. – И если вы уважаете меня, то я потребую такого же уважения к леди Изабелле. Она справедливо управляла этими землями последние три года, заботилась о вас и следила, чтобы вам не причинили никакого вреда.

– И выжимала из нас все до последней капли! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Сбирать ренту входило в ее обязанности, а вы обязаны платить. Насколько я вижу, вы не бедствуете, – ответил Хью. – Я не заметил никаких признаков голода или болезней. Вы должны платить ренту хозяевам Лэнгстона. Боюсь, вы слишком долго жили без хозяйской руки. Но теперь все пойдет иначе. Рыцарь, которого вы видите рядом со мной, – Рольф де Бриар. Он назначен новым сенешалем Лэнгстона. Он честный человек и не станет вас обманывать, но и вам не позволит хитрить. Со мной также приехал отец Бернард. Мы построим здесь церковь. До тех пор утренние службы будут каждый день проходить в Большом зале замка. Если кому-то нужно обвенчаться или креститься, отец Бернард к вашим услугам.

– Благослови Господь вашу светлость! – одобрительно воскликнул Старый Альберт.

– И да сохранит Господь вас всех, – отозвался Хью Фоконье.

И трое всадников двинулись дальше, проехав по деревне и оказавшись на открытой местности. Поля, освещенные тусклым зимним солнцем, лежали под паром. За ними струилась река, бегущая к морю.

– Я видел лодки на берегу реки, – заметил Хью.

– Три-четыре семейства занимаются рыбной ловлей, – объяснила Белли. – Излишки мы позволяем им продавать.

– А что вы выращиваете на полях?

– Пшеницу и рожь. Овес, ячмень, немного хмеля для пива. Бобы, горох и вику. На огородах растет салат, морковь, лук и порей. Еще моя мать на первом этаже замка выращивает травы, которые годятся в пищу и для лечения. Кухня находится тоже на первом этаже. За ней – наши сады. Большой яблоневый сад, грушевые, сливовые и персиковые деревья. Еще у нас есть вишня, – сообщила Белли.

Хью видел коров и овец, пасшихся на зимних лугах. Он знал, что сельчане также разводят домашнюю птицу. На болотах должна водиться дичь. В лесах на границе поместья наверняка много оленей, кроликов и прочего зверья. Поместье оказалось прекрасным: в нем было все, что нужно для безбедной жизни.

Всадники посетили другие деревни, познакомившись с тамошними жителями. Их тепло встречали, но никто не удивлялся: слухи далеко опередили их. Белли почти ничего не говорила, только отвечала на вопросы Хью. Они вернулись в замок во второй половине дня и обнаружили, что Алетта подготовила отличный горячий обед. А когда они поели, она преподнесла им еще один сюрприз.

– Уверена, что вы не мылись уже несколько дней, – сказала она. – Если пройдете в купальню, я обо всем позабочусь.

– У вас есть купальня? – Хью был очень доволен.

– Наш замок не слишком велик, – ответила Алетта, – но мы не испытываем неудобств. У нас две уборные, от которых под землей идет сточная труба прямо в реку, – с гордостью сообщила она.

Купальня оказалась настоящим чудом: огромная каменная ванна продолговатой формы, в которую можно было накачать насосом холодную воду. Прямо за ванной находился небольшой камин, где грели воду. Над камином висел большой чайник: достаточно было лишь слегка наклонить его над покатой стенкой ванны, чтобы добавить горячей воды и довести воду в ванне до нужной температуры. Купальня обогревалась большим камином у противоположной стены. Посреди комнаты стоял стол с полотенцами и прочими принадлежностями для купания. Алетта объяснила, что, когда в ванной открывают сточное отверстие, вода уходит в подземную трубу, соединенную с трубой от уборных.

Отец Бернард сказал, что примет ванну последним.

Алетта привела Хью и Рольфа в купальню и спросила:

– Кто из вас пойдет первым?

– Я уступаю моему гостю, – сказал Хью, слегка поклонившись Рольфу.

– Нет, милорд, я больше не гость, а сенешаль Лэнгстона, – раздался учтивый ответ. – Я должен уступить моему хозяину. – И Рольф тоже поклонился.

Хью рассмеялся:

– Не хочу больше спорить с тобой, Рольф. Мне не терпится забраться в ванну. – И он начал раздеваться, передавая предметы туалета миловидной старой женщине, сопровождавшей леди Алетту.

– Это Ида, моя служанка, – пояснила Алетта. – Забирайтесь в ванну, милорд, пока вода не остыла.

– А разве Изабелла не помогает купаться гостям, миледи? – спросил Хью.

– Думаю, она еще слишком молода для таких обязанностей, – ответила Алетта.

– Ей пора учиться, – сказал Хью. – Пускай Ида приведет девушку, чтобы она помогла вам. Я отошлю ее, когда Рольф будет купаться. – Хью залез в ванну и

сел на купальную скамью.

– Позови мою дочь, – тихо велела служанке Алетта.

Вернувшись, Ида доложила:

– Она отказывается.

Хью и Рольф переглянулись.

– Приведи миледи, – сказал Хью.

Вскоре до них донесся яростный вопль. Дверь купальни распахнулась от удара ноги, и на пороге появился сенешаль со своей пленницей. Изабелла, которую Рольф бесцеремонно перебросил через плечо, дико брыкалась и колотила по спине кулаками. Когда Рольф поставил ее на ноги, она ударила его изо всех сил.

– Как ты осмелился прикоснуться ко мне, мужлан! – завопила она.
Ухмыльнувшись, Рольф отвел ее руку, занесенную для второго удара.

– Это я попросил его привести тебя, моя сладкая Белли, – сказал Хью. – Когда ты станешь моей женой, на тебе будет лежать обязанность мыть почетных гостей. Твоя мать сказала мне, что ты совсем неопытна в этом искусстве. Пора учиться. Вон там, на столе, лежит губка. Возьми ее, обмакни в жидкое мыло и натри мне плечи.

– Не буду! – крикнула девушка.

– Ты должна тереть нежно, но твердой рукой, моя красавица, – спокойно продолжал Хью, не обращая внимания на протест.

Изабелла скрестила руки на груди, уставившись куда-то в пространство над его головой.

– У тебя что, уши отвалились, саксонец? Я не стану мыть тебя. Это нелепый обычай, а кроме того, хозяйка замка – моя мать, а не я.

– Изабелла, ты вымоешь меня, – произнес Хью уже более грозным тоном.

– Не надейся, – самодовольно возразила она.

– Белли, – умоляюще проговорила мать, – хозяйка замка – это жена хозяина. Когда ты выйдешь замуж за Хью Фоконье, ты должна будешь выполнять эти обязанности, а не я.

– Когда я стану женой хозяина, тогда и буду, – ответила Изабелла, – но ни на минуту раньше, мадам. Впрочем, возможность этого брака для меня сомнительна.

– Моя сладкая Белли смущается, – с притворным участием проговорил Хью. – Приятно видеть, что она такая застенчивая и скромная. Это лишь усиливает ее очарование. Ты будешь наблюдать за своей матерью, Белли, и учиться. Я не стану требовать, чтобы ты мыла меня, пока мы не поженимся.

– Иди к черту! – крикнула Изабелла. – Я не стану смотреть, как тебя ублажают, словно младенца-переростка.

Она развернулась и направилась к двери, но Рольф преградил ей путь, ласково улыбнувшись.

– Вы слышали распоряжение хозяина, миледи, – сказал он.

– Распоряжение хозяина?! – Девушка яростно взглянула ему в лицо и что было силы пнула в голень.

– Оу-у-у-у! – взвыл Рольф, запрыгав на одной ноге, а Изабелла тем временем проскользнула мимо него и выбежала за дверь.

– Ох, миледи, – вздохнула Ида, взглянув на свою хозяйку, – ее надо было учить в детстве розгами. Да поможет вам Господь, милорд Хью. Эта девица наверняка одержима бесом.

– Подлей еще горячей воды, Ида, – отозвался Хью. – Она остывает. – Потом повернулся к Алетте и улыбнулся: – Не волнуйтесь, миледи, со временем я

укрошу ее, – пообещал он.

– Она так добра с животными, милорд, – сказала Алетта, и в ее ярко-голубых глазах блеснули слезы, – но с людьми совершенно несдержанна. – И Алетта принялась мыть нового хозяина Лэнгстона, потом вытерла его насухо и завернула в теплое полотенце. – Теперь главные покои принадлежат вам, милорд. Я убрала оттуда свои вещи. Пока моя дочь не станет вашей женой, я буду делить с ней спальню, а затем, с вашего разрешения, останусь жить в ее комнате. Ида отведет вас и проследит, чтобы вы удобно устроились. Идите быстрее, иначе простудитесь.

Хью хотел было возразить, но не стал. Алетта поступала так, как положено, ибо теперь хозяйские покои по праву принадлежали ему. Если бы он отказался, она смутилась бы, а то и обиделась, несмотря на всю свою доброту и терпимость.

– Благодарю вас, мадам, за вашу учтивость, – ответил он и пошел следом за Идой из купальни в свои новые покои.

Алетта обернулась к Рольфу де Бриару.

– Давайте, милорд, – сказала она ему, – не мешкайте. Святой отец тоже хотел принять ванну.

Рольф разделся, пряча смущение, быстро отдал ей одежду и забрался в ванну, откуда только что вылез его друг. Он думал о том, что Алетта – самая красивая женщина из всех, что ему доводилось встречать. Он обнаружил, что его влечет к ней все больше и больше. Он не знал, что делать.

– Сколько вам лет? – внезапно спросил он, к ее удивлению.

Щеки Алетты окрасились легким румянцем; к счастью, Рольф стоял к ней спиной и не мог этого видеть.

– Тридцать, – ответила она. – Когда я вышла замуж за Роберта де Манвиля, мне было четырнадцать лет, а когда родилась Изабелла – только исполнилось пятнадцать. А почему вы спрашиваете?

– Мне тридцать два, – ответил он и умолк.

– У вас есть жена? – спросила Алетта через некоторое время. Она прилежно терла губкой его короткие светлые волосы.

– Нет. Я не мог позволить себе жениться. Я младший сын от третьей жены моего отца, – объяснил он. – Если бы мой старший брат не был щедрым человеком, у меня ни за что не хватило бы средств стать рыцарем, но Ранульф, благослови его Господь, всегда питал ко мне слабость.

– Как хорошо, когда тебя кто-то любит, – отозвалась Алетта. – Я осиротела в четыре года, и меня воспитывал дядя. Он был суровым человеком, но мужа мне все-таки подыскал.

– Вы любили Роберта де Манвиля? – отважно спросил Рольф. Он понимал, что не имеет права задавать такой вопрос, но должен был каким-то образом узнать это.

– Он был моим мужем, – тихо ответила Алетта. – Я отдала ему свою преданность, свою честь и почтение. Большого он не требовал. Ему нужна была жена, чтобы воспитать его сыновей и родить новых. В этом я его подвела. – Она ополоснула голову Рольфа, вылив на него ведро теплой воды, и дала ему полотенце вытереть лицо. – Вот вы и вымылись, милорд, – сказала она, и Рольф поднялся, чтобы обтереться. – У вас есть чистое белье, чтобы надеть утром, или мне постирать это?

– У меня есть смена, – ответил Рольф, пока Алетта оборачивала его бедра теплым полотенцем.

– Тогда идите в постель, сэр, иначе простудитесь, – сказала Алетта с любезной улыбкой.

– Благодарю вас, миледи, за внимание, – ответил он и вышел из купальни.

Алетта выпустила часть воды из ванны, добавила горячей и отправилась на поиски священника, который тоже хотел вымыться. Проследив, чтобы камин в зале не погасли, она позвала Иду и велела ей прибрать в купальне после того, как отец Бернард совершит омовение.

– А потом иди спать, Ида. В комнате Белли будет тесно до ее свадьбы с хозяином, так что придется тебе спать на складной кровати, а служанке Белли – на тюфяке.

– Чем скорее она выйдет замуж, тем лучше, – сказала Ида с неодобрительным выражением лица. – Ее нужно воспитывать, и с этим справится только муж. Да простит Господь душу лорда Роберта за то, что он не научил леди Изабеллу с детства, как нужно себя вести. Она похожа на дикарку, миледи.

– Молись лучше за то, чтобы новый хозяин не рассердился и не попросил у короля Генриха другую невесту, – беспокойно сказала Алетта.

– Идите отдыхать, миледи, – отозвалась Ида, погладив хозяйку по руке. – Утро вечера мудренее. Я уверена, что леди Изабелла в конце концов образумится.

– Да услышат Господь и Пресвятая Богородица наши молитвы! – пылко воскликнула Алетта.

Глава 3

Лэнгстонский замок был невелик. С одной стороны к Большому залу примыкали кладовые. Хозяйские покои находились прямо за Большим залом: спальня, купальня. Три двери из Большого зала вели в маленькие комнаты, одна из которых принадлежала Изабелле. От двух других комнат, в которых обычно размещали гостей, спальню Изабеллы отделял камин. Слуги спали на чердаке над залом.

На первом этаже было огромное помещение для хранения припасов, оружия, а также кухни.

Хью и Рольф узнали, что в замке нет организованной военной охраны. Обязанности привратника исполнял трясущийся старик. Не было ни караульных, ни стражников. Хью только теперь понял, как разумно поступил король, прислав сюда двух рыцарей с оруженосцами.

– А как бы вы защищались, если бы на вас напали? – спросил он Белли. – Лэнгстон совершенно беззащитен, и вас спасало только то, что вы живете вдали от больших дорог. – Хью даже рассердился.

– Кому бы понадобилось нападать на нас? – насмешливо возразила Изабелла. – Кроме того, в случае опасности все сельчане ополчились бы на врага.

– Ваши крепостные сбежали бы в лес и попрятались, – заявил Хью. – Сомневаюсь даже, что они прихватили бы с собой скот. А тебя с твоей матерью убили бы, а то и хуже.

Рольф объездил деревни и опросил мужчин, кто из них предпочел бы стать стражником, а не обрабатывать землю. Он вернулся с довольно солидным отрядом младших сыновей сельчан, жаждущих овладеть военным ремеслом. Полдюжины мужчин постарше, тоже предложивших свои услуги, должны были обучить молодых людей, а потом стать дозорными. На смену престарелому привратнику надо было поставить его внуков. Будущие солдаты ежедневно маршировали по зеленой лужайке перед конюшней под бдительным присмотром двух оруженосцев, Фалька и Жилия, которые тоже учили новобранцев орудовать копьем, пикой и арбалетом. Время от времени Рольф или Хью приходили взглянуть на учения и дать парочку советов.

Рольф стал сенешалем Лэнгстона, и в его обязанности теперь входило управление хозяйством. Он должен был улаживать юридические и финансовые вопросы с крестьянами. В более крупных поместьях работали несколько управляющих, но Лэнгстон был слишком мал для подобной роскоши. Рольф предоставил Алетте распоряжаться прислугой. К его огромному удивлению, Изабелла оказалась тоже отличной помощницей. До смерти прежнего сенешала велись тщательные записи. Старик был аккуратен и дотошен.

Поскольку Белли не умела ни читать, ни писать, все факты, касавшиеся ведения хозяйства, она хранила в памяти до мельчайших деталей. Она несколько дней терпеливо просидела с Рольфом в Большом зале, подробнейшим образом диктуя ему.

– Ее память безупречна, – с восхищением сказал Рольф, когда они с Хью направились в самую дальнюю деревню Лэнгстона, чтобы осмотреть дома и уточнить, понадобятся ли ремонтные работы. – Я не удержался и спросил леди

Алетту, почему ее дочь так охотно помогает мне, при том что ненавидит нас. Миледи сказала, что ее дочь обрадовалась появлению сенешаля, поскольку устала нести ответственность за Лэнгстон на своих хрупких плечах. Но сдается мне, леди Алетта кое-что скрывает: по-моему, Изабелла Лэнгстонская души не чает в этом поместье. Для нее нелегко уступать кому-то власть над ним. Но она неглупа и не может не понять, что у нее нет выбора. Когда Изабелле пришлось взять на себя ответственность за хозяйство, она сделала это охотно, – продолжал Рольф. – Это редкость, чтобы девушка исполняла тяжелые обязанности так тщательно. Если тебе все же удастся приручить ее, из нее в конце концов может выйти неплохая жена.

– Она была хорошим управляющим? – спросил Хью, впечатленный похвалами Рольфа в адрес Изабеллы.

– О да! Крепостные могут жаловаться сколько им влезет и радоваться, что у них теперь новый хозяин, но истинная причина в том, что им не нравилось быть под властью женщины. Она держалась с ними не мягче любого мужчины, следила, чтобы ренту платили в срок, чтобы поля обрабатывали как следует и вовремя собирали урожай, чтобы на рынке не завышали цен. Она не допускала, чтобы их жилища ветшали, а браконьеры истребляли дичь. Да, Хью, леди Изабелла прекрасно справлялась с Лэнгстоном в отсутствие хозяина.

Хью Фоконье остался доволен отзывом Рольфа. Быть может, не за горами тот час, когда король призовет его для военного похода. И Хью был рад, что Изабелла сможет справиться с хозяйством без него.

Все складывалось прекрасно, за исключением его ухаживаний за невестой. Белли по-прежнему питала к нему враждебность. Казалось, нет никакой возможности подобраться к ней. Зато Рольф, как заметил Хью, потихоньку набирался храбрости, чтобы сблизиться с овдовевшей леди Алеттой. Он ничего не говорил о своих чувствах, но у Хью глаза были на месте, и он прекрасно видел, в каком направлении движется его друг. «Пожалуй, надо выстроить отдельный дом для моего сенешаля во дворе замка», – с улыбкой подумал Хью.

Следующий день выдался сырым и пасмурным. Всю неделю было очень холодно. Но Белли накинула плащ и покинула зал сразу же после завтрака. Хью наблюдал из окна, как она прошла через двор к зернохранилищу, вошла внутрь, а через

несколько минут снова вышла с большой полотняной сумкой. Заинтригованный, Хью решил последовать за ней. Равнинный ландшафт позволял не терять ее из виду, так что Хью держался позади, достаточно далеко, чтобы не привлечь ее внимания.

Изабелла быстрым шагом пересекала обледеневшие поля. Почва под ногами промерзла и стала твердой. Ветра не было; перламутровое солнце изо всех сил старалось пробиться сквозь молочную пелену на небосклоне, но у него ничего не получалось. Впереди уже маячила река. Берега ее покрывала тонкая ледяная корочка. Высокие темно-золотые камыши с перистыми верхушками возвышались над рекой в утреннем свете, словно безмолвные часовые. На берегу лежала перевернутая лодчонка. Добравшись до нее, Белли села и уставилась на воду. Вниз по реке, всего лишь в нескольких милях отсюда, начиналось море.

Хью остановился, глядя на задумчиво сидящую в одиночестве девушку. Прежде он ни разу не видел ее такой спокойной и умиротворенной.

Низко над рекой пролетела стайка белых гусей, птицы опустились на воду недалеко от Изабеллы. Она даже не пошевелилась, когда гуси подплыли к берегу и вперевалку выбрались на сушу. Потом они подошли прямо к ногам девушки. Порывшись в своей сумке, Изабелла начала сыпать им зерно. Птицы клевали быстро и жадно, а когда зерно кончилось, столпились вокруг девушки и принялись чистить перья; пара гусей изогнула шеи, ожидая, что Изабелла приласкает их. Хью Фоконье пришел в полное восхищение от этой сцены. Потом, словно по какому-то неслышимому сигналу, гуси с шумом и гоготом заторопились обратно к воде и поплыли вверх по реке. Хью не мог понять, в чем дело, пока не увидел, как из камышей показались два белоснежных лебедя. «Как эти птицы неуклюже выглядят, когда ходят по земле», – подумал Хью.

Изабелла поднялась и бросила лебедям горсть зерна. Когда птицы подошли к ней ближе, Хью беспокоился, потому что лебеди отличались непредсказуемым нравом и могли больно искусать. Но Белли несколько не боялась. Хью понял, что эти лебеди – ее старые друзья. Он прекрасно представлял себе, сколько нужно терпения, чтобы заслужить доверие таких диких существ: ведь он всю сознательную жизнь выращивал, приручал и обучал ястребов и соколов. Он с самого начала почувствовал, что сама Белли тоже дикая свободолюбивая натура. А теперь, увидев, как она общается с гусями и лебедями, он понял, что если дикие птицы берут пищу из ее рук, то в его невесте, несмотря на все ее своеволие и своенравие, много доброты. Он увидел достаточно. Повернувшись,

Хью двинулся почти неразличимой тропой через поля обратно к замку.

– Интересно, пойдет ли снег? – размышляла вслух Алетта, когда вечером этого дня все собрались в Большом зале.

– К утру, – ответила ей Белли. – Воздух влажный. Вот уже несколько дней очень холодно, а сегодня не было ни ветерка, мадам. Скот уводят с пастбищ. Я заметила, когда возвращалась домой вечером. Крестьяне разбираются в погоде почти так же хорошо, как я.

– А зимы здесь снежные, Белли? – поинтересовался Хью.

– Как правило, снега выпадает немного, – ответила она. – Зачем ты сегодня следил за мной?

– Ты заметила меня? – Хью очень удивился. Ведь он был так осторожен!

– Сначала я тебя слышала. Ты такой большой и шумный. А потом увидела, – ответила Белли. – Заметила краем глаза, когда кормила моих птиц.

– Я хотел посмотреть, куда ты пошла, – честно признался Хью.

– А ты что, думал, будто я пошла на свидание с любовником? – с легким раздражением спросила Белли. – Терпеть не могу, когда за мной шпионят.

– Не думаю, что у тебя есть любовник, – тихо обронил Хью.

– Что?! Ты считаешь меня недостаточно желанной для мужчины? – Теперь ее голос звучал жестче.

– Я считаю, что твое чувство чести куда сильнее, чем любая страсть, которая могла бы вспыхнуть в твоём сердце, – сказал Хью. – За то недолгое время, что мы с тобой знакомы, ты не показалась мне легкомысленной, красавица моя.

Впервые с тех пор, как они познакомились, Белли улыбнулась. Она, несомненно, осталась довольна словами Хью. И развивать тему не стала.

– Ты играешь в шахматы? – спросил ее Хью.

– Да, – ответила Белли, – и весьма неплохо. Мои братья не могли обыграть меня, милорд. Выстоит ли твоя мужская гордость при мысли, что тебя может обыграть женщина? Я не прошу пощады, но и не щажу.

– Что ж, готовь доску, моя красотка, – с улыбкой отозвался Хью.

Принесли стол и резную доску из слоновой кости, расставили фигуры. Хью и Белли начали игру – сначала молча, но вскоре стали поддразнивать друг друга и осыпать насмешками, если кому-то удавалось взять фигуру противника. Белли быстро выиграла партию, но Хью только засмеялся и потребовал немедленного реванша, на что Белли с готовностью согласилась.

– Как вы думаете, он приблизился к ней хотя бы на шаг? – шепотом спросил Рольф у Алетты. Они сидели у камина, неторопливо потягивая вино.

– Моя дочь – загадка для меня, – честно ответила Алетта. – По-моему, я никогда ее по-настоящему не понимала. Она пошла в отца, у нее такой же непокорный дух. А то, что хорошо в мужчине, не всегда подходит девушке.

– Вы так прекрасны! – внезапно воскликнул Рольф, поражаясь собственной дерзости.

– Что?! – Алетта подумала, что ослышалась.

– Я сказал, что вы прекрасны, – с большей уверенностью повторил он. – Разве вам никто этого не говорил прежде, леди Алетта? – Карие глаза Рольфа де Бриера с нежностью вглядывались в ее лицо. – Я благородный рыцарь, – сказал он, – хотя, возможно, это и не дает мне права говорить с вами подобным образом.

– Не знаю, дает или нет, – ответила Алетта. – Никто не называл меня прекрасной, хотя моя тетушка однажды заметила, что я хорошенькая.

– Разве муж не говорил, как вы красивы? – Рольф был потрясен. Неужели Роберт де Манвиль мог смотреть на Алетту и не замечать ее красоты, ее чудного лица, ласкового голоса?

– Роберт женился на мне ради детей. Он часто повторял, что ночью все кошки серы, – рассмеялась Алетта, потом задумалась и покачала головой: – Нет, он никогда не называл меня красивой, милорд.

– Миледи, у меня нет почти ничего, кроме должности сенешаля, которой обязан доброте моего друга Хью, но я хотел бы просить вашей руки, – заявил Рольф изумленной женщине. – Мы с вами почти одного возраста и не связаны кровным родством. Я не вижу препятствий к нашему браку, а вы?

– Милорд, ваши слова исключительно лестны для меня, но вы только зря потратите время. Я не собираюсь больше выходить замуж, – мягко произнесла Алетта. Сердце ее бешено стучало, как у юной девушки на свидании с первым поклонником. Роберт де Манвиль не был так галантен, когда просил ее руки. А Рольф де Бриар собирался ухаживать за ней!

– Но почему вы не хотите замуж, миледи? – спросил он.

– Став вдовой, милорд, я получила куда больше свободы, чем при муже. По моему глубокому убеждению, у замужней женщины свободы меньше, чем у крепостного. Моя дочь нисколько не уважает меня. Мне кажется, она не хочет выходить замуж за Хью, так как насмотрелась на мою супружескую жизнь. Муж может бить свою жену, унижать ее, держать у нее под носом любовницу. И все это жена обязана безропотно сносить. С тех пор как мой муж отправился в крестовый поход, я была счастливее, чем когда-либо за всю свою жизнь. И хотя я не бесчувственная и ношу по нему траур, все же я рада, что он никогда не вернется и не обидит меня больше. Он был добрее со своими псами, чем со мной.

– Я не Роберт де Манвиль, миледи, – сказал Рольф. – Я буду лелеять и любить вас до конца моих дней, если вы когда-нибудь согласитесь стать моей женой. – Он поднес к губам руку Алетты и нежно поцеловал. Затем повернул ее руку ладонью к себе и прижался горячими губами к запястью, а потом – к ладони.

Алетта вздрогнула и, встретившись с ним взглядом, поразились тому, какая глубокая страсть светилась в карих глазах Рольфа. Она была не в силах говорить.

– Позвольте мне ухаживать за вами, – тихо и настойчиво произнес Рольф. – Позвольте доказать вам, что не все мужчины грубы и жестоки, моя прекрасная

госпожа. Если вы, узнав меня лучше, не перемените своего мнения, я постараюсь понять вас, но, умоляю, дайте мне возможность доказать мою любовь.

– Вы очень настойчивы, сэр, – задыхаясь, ответила Алетта. Прежде она никогда не испытывала ничего подобного. В глазах Роберта никогда не отражалось такого глубокого чувства, в голосе никогда не слышалось такой страсти. Когда они впервые встретились, Роберт просто сказал ей, что ее дядя дал ему позволение жениться на ней. О любви не шла речь. И об ухаживании. Роберт снизошел до того, чтобы взять в жены сироту с крошечным приданым, а она должна была стать матерью его детей. Простое деловое соглашение – не более.

– Позвольте ли вы мне стать вашим рыцарем, миледи? – тихо спросил Роберт.

– Быть может, до некоторой степени, – ответила она, наконец обретя дар речи, – но, сэр, я не даю вам никаких обещаний.

– Я понимаю, – ответил Роберт. Сердце его пело от счастья. Он докажет Алетте, что не все мужчины жестоки и бесчувственны. Рано или поздно она поймет, что он достоин стать ее мужем. Неужели этот грубиян Роберт де Манвиль не понимал, какой драгоценностью была Алетта? Да он просто дурак!

Алетта поднялась.

– Уже поздно, сэр, – сказала она.

– Я провожу вас до спальни, миледи, – ответил Рольф, тоже встав со скамьи. Хью остался в зале наедине с Изабеллой; оба погрузились в сосредоточенные раздумья над шахматной доской. Первую партию девушка выиграла в основном из-за того, что Хью недооценил ее мастерство. Ее уважение к нему постепенно росло против ее желания – она начинала понимать, что он не намерен уступать ей вторую победу.

Хью сильно отличался от всех знакомых ей мужчин. Несмотря на то что Изабелла любила своего отца, который всегда был к ней снисходителен, она втайне боялась его, ожидая, что в любой момент отец может перенести на нее то пренебрежение и грубость, которые он выказывал матери. В глубине души Белли нередко раздумывала, сможет ли она в такой ситуации проявить отвагу

или все же поддастся страху, как Алетта. Роберт де Манвиль был ласков со своей единственной дочерью, но когда он уехал, она была еще ребенком. Теперь же она чувствовала почти настоящее облегчение от того, что он уже никогда не вернется.

С братьями – другое дело. Уильям на десять лет старше ее. И хотя Изабелла никогда бы этого не признала, Алетта была права, утверждая, что Уильям терпел сводную сестру только из-за страха перед отцом. В тех редких случаях, когда Уильям оставался наедине с Изабеллой, он обычно дразнил девочку, утверждая, что его мать куда более благородного происхождения, чем Алетта. Правда, Белли уже знала, что родственники ее матери в действительности весьма знатные. Уильям насмехался и над тем, что другие девочки в ее возрасте не такие верзилы: в те времена миниатюрное сложение считалось идеальным для женщины-аристократки. «Ты – рыжая телка, а потом станешь рыжей коровой», – говорил ей Уильям. К счастью, когда он подрос, то большую часть времени проводил в Нормандии, так что Белли избавилась от его шуточек. Она радовалась, что он не вернется из крестового похода, что он не оставил ни вдовы, ни законного наследника.

Ричард де Манвиль, младший из двух сыновей Роберта, относился к своей сестренке не так враждебно. Он был старше Изабеллы всего на шесть лет и больше времени, чем Уильям, провел под опекой леди Алетты. Он был общительным и подвижным в отличие от флегматичного и надменного Уильяма. Обыкновенно он хорошо относился к Изабелле, но иногда, оставшись с ней наедине, мог яростно наброситься на нее с какими-то нелепыми обвинениями: Ричард завидовал сестре и старшему брату из-за того, что Изабелла получит Лэнгстон, а Уильям – Манвиль, ему же не достанется ничего. Для церковной карьеры, которая могла бы принести ему почетное положение, в семье не хватило бы средств. Ричарду де Манвилю оставалось только стать рыцарем. Ему предстояло добиваться счастья собственными усилиями.

Такая судьба вовсе не казалась Ричарду привлекательной. Иногда он мог со злости больно ущипнуть сестру; его тонкие пальцы наловчились оставлять на ее теле синяки – там, где это было незаметно. Белли быстро научилась защищаться от брата кулаками и пинками. И Ричарда это весьма забавляло. Он начинал хохотать, и ярость его сразу улетучивалась. Изабелла отлично представляла себе, в какой восторг пришел Ричард, узнав, что Уильям погиб и Манвиль достался ему.

Белли подумала, что, кроме отца и двух сводных братьев, она не знала ни одного мужчины благородного происхождения. Конечно, порой в замке останавливались на ночлег рыцари, но они приезжали поздно вечером, а на рассвете снова отправлялись в путь, не оставляя о себе никаких воспоминаний. Более четырех лет Белли со своей матерью прожили в Лэнгстоне одни-одинешеньки, если не считать прислуги. В последние три года Изабелла самостоятельно управляла поместьем. Она очень испугалась, когда умер старый сенешаль, но, хотя ей и было всего двенадцать лет, девушка понимала, что если не хочет умереть голодной смертью и допустить, чтобы крепостные взбунтовались или разбежались, то придется взять управление в свои руки и быть сильной. Любое проявление слабости означало бы гибель. Если крестьяне не поймут, что она настоящая, а не только формальная хозяйка поместья, они не станут слушаться ее.

Каждый день она выезжала, не обращая внимания на погоду, посылала помощников, но очень внимательно следила за всем сама. Тому, о чем не знала: о севе, молотбе и сборе урожая, – ее быстро научили крестьянки, которые в отличие от своих мужей были на стороне госпожи и желали ей удачи. Белли даже научилась сама обрезать плодовые деревья. Она могла без колебаний спешиться, чтобы загнать домашнюю птицу в сарай, когда налетала внезапная буря. Она вершила суд: не стала наказывать сельчанина, поймавшего на ее полях кролика, чтобы прокормить свою семью; однако повесила негодяя, получившего до того предупреждение, но продолжавшего наглым образом охотиться в ее лесах на оленей, чтобы продать мясо и нажиться на этом. Семью браконьера выгнали из поместья, поскольку Изабелла знала, что если позволить им остаться, то начнутся неприятности. Народ в Лэнгстоне уважал свою госпожу, хотя и недолюбливал ее. «Если бы я была мужчиной, – горько подумала Изабелла, – мои действия никто бы не обсуждал».

И вот перед ней сидит Хью Фоконье, рыцарь. Наследник последнего из саксонских владельцев Лэнгстона. Король, которого она даже не знала, прислал этого рыцаря, чтобы он взял не только ее земли, но и ее саму. Размышляя над очередным ходом, Изабелла подумала: интересно, почему ей никогда не приходила в голову мысль о замужестве? Отец не обсуждал этот вопрос, хотя она понимала, что если бы он не ушел в крестовый поход, то к этому времени она была бы уже с кем-нибудь обручена, а то уже и замужем. За последние годы Изабелла привыкла сама распоряжаться собой, и ей это нравилось! Она не желала уступать власть мужу. Лэнгстон принадлежал ей! Она передвинула коня, тут же сообразив, что этот ход весьма неудачен.

– Шах, – негромко произнес Хью, забирая коня. – Почему ты сделала такой дурацкий ход?

– Я отвлеклась, – честно призналась Изабелла. – Я думала о другом, милорд. Победа в этой партии по справедливости принадлежит тебе. – Она даже слегка улыбнулась.

– О чем ты думала? – спросил Хью.

– О тебе, – к его удивлению, ответила Белли.

– Обо мне?! – Рыжеватые брови Хью вопросительно приподнялись.

– Я знаю, что твоей вины в этом нет, но мне кажется несправедливым, что король отнимает у меня Лэнгстон, – сказала Изабелла. – Конечно, я всего лишь женщина, но способна поддерживать в моем поместье мир и благоденствие.

– А что бы ты делала в случае войны? – тихо спросил Хью. – Как бы ты защитила Лэнгстон? Как бы ты смогла исполнить свои обязательства перед сеньором, когда ему понадобятся бы солдаты? Ты не можешь ни сражаться за короля, ни обучить своих крестьян военному делу. А потом, кто твой сеньор, Белли? Ты присягнешь королю Генриху или герцогу Роберту? И что, если твой брат заявит свои претензии на Лэнгстон? Что ты станешь делать?

– А что, скоро война? – спросила Белли.

– Не исключено, что она начнется весной или летом, – ответил Хью. – Король Генрих окажется, конечно, в более выгодном положении, но Лэнгстон находится слишком близко к морю. Если твой брат, подданный герцога, явится сюда и найдет вас с леди Алеттой беззащитными, он обязательно отберет эти земли в пользу герцога. Тогда король не получит их, моя красавица. Ты ведь неглупа и понимаешь все, что я тебе говорю. Ты отважна и рассудительна. Я никогда прежде не говорил таких слов женщинам, но тебе они подходят.

У Лэнгстона должен быть хозяин, способный защитить его, а у тебя – муж, если, конечно, ты не испытываешь тяги к служению Богу. Если так, то я, само собой, не стану этому препятствовать. Отдам в любой монастырь по твоему выбору.

Твоя мать сможет отправиться в Нормандию, в Манвиль. Даже если твоему брату это придется не по душе, он не имеет права отказать вдове своего отца в приюте и содержании.

Изабелла поднялась из-за стола, подошла к стрельчатому окну и выглянула в ночную тьму.

– Снег идет, – сказала она, заметив, как белые снежинки лепятся на каменный выступ. Потом услышала скрип стула, шаги. Хью остановился у нее за спиной, рука его скользнула по ее тонкой талии. Белли замерла.

– Почему ты боишься выйти за меня замуж? – тихо спросил он.

– Дело не в тебе, милорд, – ответила Белли. Она чувствовала на своей шее его теплое дыхание. – Я никого не боюсь, не испытываю, как ты выразился, тяги к служению Богу. Я просто хочу быть свободной. Если женщина выходит замуж, она теряет свободу. Ты сможешь бить меня без всякого повода, сможешь прогнать меня без причины, и никто мне не поможет. На стороне мужа и английские законы, и церковь. Мой отец ни разу не был жесток со мной, но никогда не относился по-человечески к моей матери. Лучше вообще не выйти замуж, чем вести такую жизнь. О да, ты можешь сейчас обещать обращаться со мной нежно. Возможно, ты и сам веришь своим обещаниям, но в конце концов все будет точно так же, как с моей матерью, – заключила Белли.

– Моя мать умерла вскоре после того, как я родился, а мой отец, как тебе известно, погиб при Гастингсе, – начал Хью. – Меня воспитывали дед и бабушка. Седрик Мерлинсон за всю свою жизнь ни разу не поднял руки на жену, леди Эмму. У моей бабушки был такой же свирепый нормандский нрав, как и у тебя, красавица моя, но мой дед и пальцем не тронул жену. Многие мужчины на его месте не стерпели бы, но только не мой дед.

Дед и бабушка всю жизнь прожили вместе как равные, точь-в-точь как король Вильгельм и добрая королева Матильда, упокой Господь их души. Именно такой брак я и предлагаю тебе, Изабелла. Ты не будешь моей служанкой. Ты станешь моим товарищем, матерью моих детей. Если мне придется уйти на войну за короля, ты будешь управлять Лэнгстоном от моего имени. Я не знаю, как мне еще убедить тебя. Ни у тебя, ни у меня нет выбора. Король приказал нам стать мужем и женой. Я принес Генриху Боклерку присягу на верность и должен

подчиняться его приказам. Я знаю, ты благородная девушка. Можешь ли ты поступить иначе?

– А ты мог бы записать то, что сейчас сказал? – требовательно спросила Белли.

– Ты что, собираешься возбудить против меня иск? – Хью стало весело. – Кроме того, ты не умеешь читать и не узнаешь, верно ли я все записал.

– В этом я доверяю тебе, милорд, – ответила Белли.

Хью пришел в изумление:

– Ты доверишься мне, Белли? Но почему?

– Потому что ты не похож на моего отца и братьев, – просто ответила она.

Хью ни разу в жизни не приходилось слышать такого удивительного признания. И не принять его было бы неблагородно.

– Я попрошу отца Бернарда записать все, что ты продиктуешь, красавица моя, и подпишу это в твоём присутствии. Но и ты должна сделать для меня кое-что. Я хочу, чтобы ты научилась читать и писать. Тогда ты сможешь гораздо лучше управляться с хозяйством. Обещаешь? – Хью повернул ее лицом к себе.

– Но кто же станет учить меня? – удивленно спросила она.

– Отец Бернард, – сказал Хью. – Ты согласна?

– Да, милорд, и с удовольствием. Но пускай он научит меня еще и цифрам, хорошо? – Белли просительно заглянула в лицо Хью. – Если ты с Рольфом де Брияром уедешь и оставишь управление в моих руках, я должна быть уверена, что все счета ведутся правильно, чтобы нас не обманули.

Хью кивнул, подумав при этом, что у Изабеллы прекраснейшие в мире глаза. Не голубые, как у ее матери, а загадочные золотисто-зеленые, словно темный лесной пруд в бликах солнечного света. Не в силах сдержаться, он коснулся губами ее губ.

Белли отшатнулась, глаза ее потемнели – отчасти от гнева, отчасти от удивления.

– Зачем ты это сделал, милорд? – грозно спросила она.

– Я скрепил нашу сделку поцелуем, красавица моя, – серьезно объяснил Хью.

– А что, это принято?

– Разве тебя никогда прежде не целовали? – ответил он вопросом на вопрос, уже зная заранее, что она скажет.

– Кто здесь мог бы целовать меня, сэр, и кому бы это понадобилось? – раздраженно ответила Изабелла. – Я же не смешливая крестьянская девка. Мой отец поцеловал мать на моих глазах только однажды, когда отправлялся в крестовый поход с герцогом Робертом.

– Поцелуи – это старая добрая игра, – сказал Хью с шаловливой улыбкой. – Мой дед любил застать бабушку врасплох и оделить ее поцелуем. Если мы станем целоваться чаще, красавица моя, то лучше узнаем друг друга.

– Ты смеешься надо мной, – возмутилась Белли. – А я этого не люблю, милорд. Не вижу никакой пользы в том, чтобы тереться друг о друга губами.

Хью усмехнулся.

– Ты молода и невинна, красавица моя, – с нежностью сказал он. – Со временем я покажу тебе, как полезно уметь искусно целоваться. Кроме того, супругам позволено целоваться в любое время и так часто, как им только захочется.

– Мы еще не женаты, – угрюмо отозвалась Изабелла. Но тут у нее перехватило дыхание, потому что Хью прижал ее к себе, стиснув в объятиях.

– Мы поженимся очень скоро, красавица моя, – сказал он, положив свободную руку ей на затылок. – Закрой глаза, – произнес он. – Тебе будет лучше с закрытыми глазами, дорогая.

«Почему я подчиняюсь такому дурацкому требованию?» – удивленно подумала Изабелла, опустив темные ресницы на матово-бледные щеки. Теплые губы Хью крепко прижались к ее губам, и по ее позвоночнику пробежала дрожь удовольствия. Изабелла была потрясена. Она отпрянула, озадаченная и взволнованная.

– В чем дело? – спросил он.

– Я почувствовала... – На мгновение Белли задумалась. – Наслаждение, – наконец решила она. – Да. Твой поцелуй доставил мне наслаждение, милорд.

– Значит, я добился своей цели, красавица моя. Поцелуй и должен доставлять наслаждение, – объяснил Хью.

– А что бывает после поцелуя? – спросила девушка.

– Поцелуи приносят больше ощущений, чем ты испытала сейчас, – тихо ответил Хью, осторожно проведя указательным пальцем по ее изящно очерченному носу. – Со временем мы все это испробуем, но сейчас, мне кажется, тебе лучше отправляться в постель, красавица моя. Твоя мать беспокоится, куда ты пропала, а я не хочу волновать ее. – И Хью разжал объятия.

Сначала Изабелла не была уверена, послушаются ли ноги, но в конце концов ей удалось присесть в вежливом реверансе, повернуться, пересечь зал и пройти в двери своей спальни.

В комнате было темно. Белли осторожно пробралась между тюфяком и складной кроватью, на которой похрапывали ее служанка Агнесса и служанка ее матери Ида.

Поскольку леди Алетта освободила хозяйские покои, Изабелле приходилось теперь спать с ней в одной постели. Она решительно нигде не могла найти уединения. Быть может, выйти замуж стоило хотя бы для того, чтобы после свадьбы Хью Фоконье выделил ей часть господских покоев, где гораздо просторнее и куда меньше народу, чем в этой тесной спальне. Добравшись до кровати, она села на свободный край, чтобы снять мягкие домашние туфли. Привстав, она развязала пояс и бросила его на стул, стоявший у кровати. Потом она сняла тунику и юбку, положив их поверх пояса, и легла в кровать рядом с

матерью.

– Я выйду за него замуж, – тихо сообщила она матери, которая еще не успела заснуть.

– Почему? – с любопытством спросила Алетта. – Он обыграл тебя в шахматы и завоевал уважение, Изабелла?

– Я выиграла первую партию, он – вторую. Мы побеседовали. Он не будет вести себя как отец, мадам. Он согласился подписать документ. Он хочет, чтобы я научилась читать и писать. Священник поможет мне, – сказала девушка. – Кроме того, ты же сама говорила, что у меня нет выбора. Так распорядился король, а Хью Фоконье служит королю. Могу ли я проявить непокорность?

Алетта ощутила, как все ее тело потихоньку расслабляется и напряжение последних дней покидает ее.

– Когда? – спросила она. – Он сказал, когда вы сыграете свадьбу?

Изабелла пожала плечами в темноте:

– Пусть сам решает, мадам. Мне все равно. – Она свернулась клубочком, желая показать матери, что разговор окончен.

Алетта испытывала огромное облегчение. Она размышляла, что именно заставило Изабеллу изменить свое первоначальное решение. «Он согласился подписать документ». Что хотела сказать этим Изабелла? Как мог какой-то документ склонить ее своевольную дочь к послушанию? О Пресвятая Богоматерь! Она же собиралась поговорить с Изабеллой о... об этом! Нельзя же допустить, чтобы девушка вступила в брак, не зная, что за этим последует! Что ее ожидает!

Алетта мысленно вернулась к своей первой брачной ночи и вздрогнула. Роберт де Манвиль был ей практически чужим человеком: просто сосед ее дяди. За всю жизнь она видела его всего раз пять-шесть. По возрасту он годился ей в отцы, а его прекрасная горделивая жена была предметом зависти всех мужчин на двадцать миль в округе. Потом ее тетушка однажды сказала, что бедный сэ

Роберт овдовел. Через несколько месяцев дядя пришел к ней и сказал, что их соседу нужна новая жена. Что он согласен взять в жены Алетту, невзирая на ее скудное приданое.

– Но почему меня, дядя Хьюберт? – наивно спросила девушка. – Ведь сэр Роберт может найти куда более знатную жену, чем я.

– Верно, – согласился дядя, – но ему надо жениться как можно скорее. Его сыновьям-озорникам срочно нужна мать. Кроме того, сэр Роберт хочет еще детей: ведь у леди Сибиллы было хрупкое здоровье, и она не могла больше рожать. Ты хорошая, сильная девушка, Алетта. Ты прекрасно ему подойдешь.

Тема была исчерпана. У Алетты не оставалось выбора. Она не знала одного: ни одна другая семья не выдала бы замуж свою дочь за Роберта де Манвиля. Он отличался жестоким нравом. Он обожал свою покойную жену. После Сибиллы де Манвиль ни одна женщина не смогла бы устроить его в полной мере, будь она самой богатой и красивой. Но Хьюберт д'Омон увидел прекрасную возможность связать свою семью с более знатным родом. Он даже выдал бы за де Манвиля свою родную незамужнюю дочь, но ей было всего десять лет, она еще не вошла в возраст и не могла рожать детей. Оставалась племянница. И Хьюберт с удовольствием принес ее в жертву своему честолюбию.

За час до того, как ее привели к священнику, который должен был обвенчать ее с Робертом де Манвилем, к Алетте пришла ее тетя Элиза.

– Я хотела рассказать тебе все, что нужно знать женщине, чтобы ублажить своего мужа в постели, – начала она, – но сэр Роберт запретил мне, сказав, что сам тебя всему научит. Твой дядя малодушно уступил ему, но я думаю, он не прав. Если я поговорю с тобой, сэр Роберт может почувствовать и будет недоволен. Тогда твой дядя побьет меня, Алетта. Так что я скажу тебе только одно. Подчиняйся своему мужу абсолютно во всем, дитя мое. Ни в чем не противься ему. Он суровый человек, и если бы мне предоставили право выбора, моя малышка, я ни за что не отдала бы тебя ему.

И с этими устрашающими словами, продолжавшими звенеть у нее в ушах, Алетта д'Омон обвенчалась с Робертом де Манвилем. Она знала, что ее дядя влез в долги, чтобы устроить свадебный пир, последовавший за венчанием. После пира ее посадили на огромного боевого коня, сзади взгромоздился Роберт,

и они отправились через поля в дом ее мужа. Еще во время этой поездки Алетта начала сознавать, что ее ожидает. Направляя бег коня своими мускулистыми бедрами, Роберт де Манвиль всю дорогу ласкал дрожащие круглые грудки своей невесты. Он выпил много вина, но не был пьян. Одна рука его пробралась ей под юбку.

– Ты уже умеешь пощипывать свою безделушку, Алетта? – спросил он, развернув ее к себе лицом и прижавшись влажными губами к ее рту.

Алетта ошеломленно уставилась на него, не представляя, что он имеет в виду:

– Монсеньор?!

И тут она задохнулась от ужаса: палец его принялся растирать особо чувствительное местечко ее тела, о существовании которого она прежде не догадывалась. Алетта стала извиваться, но Роберт рывкнул: «Сиди тихо!» Но это было совершенно невозможно, хотя она изо всех сил старалась слушаться его. Затем, к еще большему ее потрясению, Роберт погрузил в ее плоть свой толстый палец. Перепуганная Алетта стала всхлипывать, чувствуя, как этот палец проникает все глубже и глубже, а потом внезапно остановился.

– Отлично! – сказал Роберт. – Ты нетронутая. Твой дядя не солгал. С тех пор как моя Сибилла умерла, у меня не было женщины, Алетта. Все эти месяцы я копил сок, и его накопилось столько, что я больше не хочу ждать. – Он остановил коня у небольшой рощицы. – А теперь делай все так, как я тебе скажу, Алетта, – произнес он, снимая ее с колена. – Подними юбки и придержи коня, а я покажу, как надо наклониться.

Алетта повиновалась.

– А теперь наклонись, моя малышка, да пониже, – велел Роберт.

Алетта сделала это, но не смогла удержаться и сказала:

– Как же я буду стоять так, с поднятыми юбками, монсеньор? Ведь если кто-нибудь пройдет мимо и заметит, мне будет стыдно!

– Потерпи, моя малышка, – сказал Роберт почти ласково и провел ладонью по соблазнительно обнаженной молочно-белой коже. Слегка приподнявшись в стременах, он притянул Алетту ближе к себе, одной рукой сжимая ее живот, а другой – нащупывая ножны для своего неистового оружия.

И она почувствовала его. Она почувствовала, что вместо пальца в ее плоть вошло нечто другое – гораздо большее. Алетта заплакала отчасти от страха, отчасти от первых признаков боли.

– Вы делаете мне больно... – простонала она. – Пожалуйста, не мучьте меня!

Пальцы Роберта теперь принялись мять нежную плоть ее бедер. Заставив ее снова наклониться вперед, он сделал первый мощный толчок. Алетта взвизгнула. Второй. Алетта взмолилась о пощаде. И наконец, третий толчок заставил ее закричать от боли.

– Заткнись, сучка! – рявкнул Роберт. – Боль сейчас пройдет, а твои вопли мешают мне наслаждаться.

Он продолжал двигаться, пока наконец по его телу не пробежала дрожь и Алетта не услышала вздох облегчения:

– Уф-ф-ф-ф! Ну ладно, хватит, моя малышка, пока мы не добрались до дома. Сегодня ночью я намерен повторить это еще несколько раз. – Опустив юбки Алетты, он снова усадил ее в прежнем положении и пустил лошадь шагом.

Слезы струились по лицу Алетты. Почему тетушка не предупредила ее о том, какой кошмар ее ожидает? Низ живота ужасно болел. Она изо всех сил старалась взять себя в руки, понимая, что скоро войдет в новый дом. Она не хотела смущать своего мужа. Когда они добрались до дома Роберта, он спешил, снял ее с коня и представил новую жену своим сыновьям и слугам. Алетта вежливо приветствовала всех и поцеловала своих пасынков, окинувших ее недружелюбными взглядами. Она мучилась от страшной боли, но все же смогла гордым шагом войти в Большой зал и выслушать тосты, которые подняли за нее слуги Манвиля. Потом ее проводили в спальню, где уже ожидала Ида.

– Я сама о себе позабочусь, Ида, – тихо сказала она и отпустила служанку, не желая выставлять напоказ свой стыд. Потом Алетта поспешно разделась и

обнаружила, что вся ее рубашка покрыта пятнами свежей красной крови. Кровь текла и по ее бедрам. Алетта почувствовала, что между ног все промокло. Но прежде чем она успела смыть кровь, дверь спальни распахнулась и на пороге появился Роберт де Манвиль.

Увидев окровавленную одежду и кровь между ног Алетты, он довольно ухмыльнулся.

– Я неплохо потрудился, сражаясь с твоей невинностью, малышка, – сказал он и принялся раздеваться.

Последовавшие за этим часы навсегда остались ее самыми кошмарными воспоминаниями. Казалось, похоть ее мужа нельзя насытить. К утру Алетта решила, что умирает; все ее нежное тело было покрыто царапинами и синяками. Каждую последующую ночь все повторялось, как и в первую, пока наконец Алетта не сообщила Роберту, что беременна.

Изабелла родилась через одиннадцать месяцев после свадьбы. Тогда они уже жили в Лэнгстоне, и, когда Алетта оправилась после родов, выяснилось, что ее супруг, как он ни старался, уже не может обращаться с ней так, как раньше. Алетта тогда решила, что Господь прислушался к ее молитвам. Правда, с тех пор Роберт стал оскорблять ее чаще прежнего, но Алетта предпочитала сносить его побои, чем еще хоть раз испытать на себе его похоть. И это было все, что она знала о телесной близости между мужчиной и женщиной.

Но как она могла рассказать своей дочери о боли, унижениях и ужасе брачных отношений? У Изабеллы слишком мятежный нрав. Если она узнает, что ее ждет, она наверняка передумает выходить замуж. И что тогда с ними будет? Нет. Каждой женщине суждено испытать на себе мужскую похоть. Изабелла такая же, как все. Она ничего не скажет Изабелле. Ничего!

Глава 4

Когда отец Бернард готовился к утренней службе, в Большом зале Лэнгстонского замка было еще темно. Несколько молодых крестьянок разводили

огонь в каминах. Священник неторопливо достал из бархатного мешочка маленькое распятие, украшенное драгоценными камнями, которое он всегда брал с собой в путешествия, и благоговейно водрузил его на высокий стол, служивший алтарем. Мальчик, назначенный его помощником, установил по бокам от распятия два серебряных канделябра, укрепил в каждом свечи из чистого воска и радостно ухмыльнулся, когда святой отец кивнул ему в знак одобрения.

«Как много всего надо здесь обустроить», – подумал отец Бернард, окинув взглядом зал. Он уже совершил несколько венчаний и окрестил целую кучу младенцев. Даже проводил в последний путь две усталых души, облегчив им переход в иной мир церковными обрядами, и благословил могилы тех, кто умер за последние несколько лет без священника.

Хью пообещал построить церковь, и отец Бернард знал, что молодой человек сдержит свое слово. Лэнгстону необходима церковь. А в замке нужно построить часовню. И все здешние жители нуждались в священнике! Отцу Бернарду захотелось остаться здесь с той самой минуты, как он впервые увидел Лэнгстон. Королю он не нужен – всего лишь один из многочисленных королевских священников, а населению Лэнгстона он необходим. Отец Бернард знал, что разжиться богатством здесь не удастся, но он действительно нужен здесь. Он решил поговорить с Хью.

– Вы что-то печальны сегодня, святой отец, – неожиданно произнес у него за спиной объект его раздумий. – У вас все в порядке?

Отец Бернард обернулся к Хью Фоконье.

– Я вам нужен здесь! – заявил он молодому человеку, высказав вслух свои мысли.

– Вы согласны остаться на маленьком содержании? Был бы очень рад этому, отец Бернард, но я не крупный землевладелец и не стану им, – ответил Хью. – И потом, позволит ли король?

– У короля Генриха на службе состоит дюжина таких же священников, как я, – сказал отец Бернард, – а еще две дюжины сражаются за место при дворе. Если вы попросите его, милорд, я уверен, он освободит меня от обязанностей королевского священника и позволит остаться в Лэнгстоне, где я смогу гораздо

лучше послужить нашему Господу. Я совершенно не нужен королю.

– Тогда мы обязательно попросим его, – слегка улыбнувшись, ответил Хью. И тут же перешел к делу: —Я пообещал построить в Лэнгстоне церковь. Мы построим ее вместе с вами, святой отец. Вы можете жить прямо здесь, в замке, но если захотите, получите отдельный дом. Вы будете получать полагающуюся долю ренты и товаров. Но сейчас я не могу обещать вам ничего, кроме пищи и крова, пока не познакомлюсь лучше с состоянием дел в этом поместье.

Священник кивнул.

– Это справедливо, милорд, – сказал он.

Жители Лэнгстона, пришедшие на службу, собирались в зале. Появился Рольф, затем из своей спальни вышли Алетта, Изабелла и их служанки. Служка зажег свечи на алтаре, и служба началась. По ее окончании священник благословил прихожан. Прежде чем все разошлись, Хью обратился к нему:

– Прошу вас, святой отец, одну минутку. Вчера вечером леди Изабелла согласилась стать моей женой. Я хотел бы, чтобы вы совершили обряд немедленно.

– Милорд! – воскликнула Алетта, захваченная врасплох. Разве такое серьезное дело совершают мимоходом? – Она взглянула на дочь. Взгляды всех присутствующих тоже обратились к Изабелле.

А Изабелла Лэнгстонская не сводила глаз с лица Хью Фоконье. Ее удивил его поступок, но в дымчатых серебристо-голубых глазах Хью читался вызов. И легкая, едва заметная улыбка в уголках его рта доказывала, что он все прекрасно понимает. Он просто дразнит ее, да еще с таким самодовольством! Изабелла хотела было вспылить и показать им всем, чего стоит, но не стала этого делать.

С тщеславием, которого она сама от себя не ожидала, Изабелла окинула взглядом свой наряд. На ней была ярко-зеленая туника с золотой вышивкой и сине-фиолетовая юбка. Тунику поддерживал на талии серебряный с золотыми нитями пояс. Густые волосы Изабелла как обычно заплела в длинную косу. Ей хватило нескольких мгновений, чтобы оценить, как хорошо она сегодня

выглядит. Снова взглянув на Хью, она сказала:

– Думаю, милорд, это отличная идея – обвенчаться сегодня, с первым светом дня. А потом мы сможем приступить к работе и уже не отвлекаться.

Не в силах сдержать улыбки, Хью протянул ей руку и привлек к себе.

– Вы слышали, что сказала миледи, святой отец. Давайте же приступим к обряду, а прихожане станут свидетелями этого торжественного события, в честь которого я откладываю начало дневных работ.

– Где мой документ? – внезапно спросила Изабелла.

– Я попрошу отца Бернарда написать его сразу же после того, как мы совершим таинство брака, красавица моя. Ты доверяешь моему слову?

– Да, милорд, – ответила она.

И на глазах ошеломленной матери и прихожан Изабеллу Лэнгстонскую связали узами брака с Хью Фоконье по велению короля и согласию обеих сторон.

– Вы можете поцеловать свою невесту, милорд, – сказал отец Бернард.

Изабелла думала, что он лишь слегка коснется губами ее губ, как прошлым вечером. Но Хью крепко сжал Белли в объятиях и страстно поцеловал под одобрительные возгласы зрителей. Когда он отпустил невесту, все заметили, как она удивлена.

– Ну а теперь, госпожа жена моя, – спокойно произнес Хью, – не пора ли нам разговеться?

– Да, господин муж мой, – ответила она с таким же самообладанием.

– День вашей свадьбы должен был быть особым, – ворчливо сказала дочери Алетта, когда они сели за стол. – Обвенчаться после мессы без всякого предупреждения! Ты хочешь сказать, что этот завтрак похож на свадебный пир? Хлеб, сыр да вино? Ох, Изабелла! Почему ты не отказалась венчаться сейчас,

чтобы все устроили честь по чести? Никто бы не стал винить тебя за это!

– Мне безразлично, – ответила Изабелла. – Этот брак совершился по приказу короля. Вы же сами говорили, что у меня нет выбора. Если милорд пожелал скрепить наш союз сегодня утром, то я не вижу причин препятствовать этому.

Алетта была потрясена словами дочери, но потом вспомнила, что Изабелла никогда особо не считалась с правилами приличия. Не следовало даже удивляться такому безобразному поведению.

– Ради кого стоило бы устраивать пышную свадьбу, мадам? – насмешливо спросила Изабелла. – Наши единственные родственники – в Нормандии. С соседями мы незнакомы, все земли в округе принадлежат большому лорду, который бывает здесь очень редко. На мой взгляд, брак был заключен по всем правилам, свидетелями его стали жители Лэнгстона. Мне этого достаточно.

– А свадебный торт? – слабым голосом возразила Алетта. – Должен быть сахарный торт и менестрель. У тебя не останется прекрасных воспоминаний. А каждая женщина должна хранить прекрасные воспоминания о дне свадьбы.

– А ты? – спросила Изабелла.

Алетта побледнела, но сказала:

– Со мной были мои родные. Было много вина и торт. Потом твой отец посадил меня на коня и через поля отвез в Манвиль. Так прошел день моей свадьбы. А что сможешь вспомнить ты? Торопливый обряд после утренней службы! И сыр!!! – И Алетта расплакалась.

– Дорогая миледи Алетта, – вмешался Хью, слышавший весь разговор. – Я знаю, что вы разочарованы, но мы возместим сегодняшний недостаток пышности торжеством по поводу рождения нашего первого ребенка. Тогда мы устроим великолепный праздник, и подготовку к нему я полностью доверю вам. – Он взял Алетту за руку и поцеловал ее. – Не плачьте.

Алетта взглянула на Хью из-под мокрых, слипшихся от слез темных ресниц и подумала, что ее дочери все-таки повезло с женихом. Она заставила себя слегка

улыбнуться, чтобы не обижать его, отняла руку и сказала:

– Вы очень любезны, монсеньор.

– Эта свадебная трапеза вовсе не плоха, мадам, – произнесла Изабелла, пытаясь подражать в доброте своему мужу, хотя и подумала, что ее мать глупа и слаба. – Хлеб только что из печи и еще не остыл, а сегодня утром начали новый круг сыра.

– Ох, Белли! – воскликнула Алетта таким тоном, которым говорила только со своей дочерью.

Хью встал из-за стола и сказал своей молодой жене:

– Я надеюсь, ты поедешь со мной после завтрака, красавица моя. Надо выяснить, какие поля следует оставить под паром этой весной. Да и Великий пост не за горами. Кто будет поставлять нам рыбу? Ведь наши сельчане не вылавливают столько рыбы, чтобы хватило на всех, верно?

– Сначала отец Бернард должен написать документ, – сказала Изабелла, – а потом ты подпишешь его, господин мой муж.

– Договорились! – ответил Хью и велел принести священнику пергамент, перо и чернила.

Поскольку для того, чтобы разыскать все эти предметы, потребовалось несколько минут, слуги успели убрать со стола остатки завтрака, сложив недоеденный хлеб и сыр в корзину, предназначавшуюся для бедняков, – так было заведено в Лэнгстоне с давних пор. Наконец перед священником положили чистый пергамент, и он обмакнул в чернильницу свежезаточенное перо.

– Скажи ему, что бы ты хотела записать, госпожа жена моя, – предложил Изабелле хозяин Лэнгстона.

Изабелла задумалась на мгновение и начала:

– «Я, Хью Фоконье, лорд Лэнгстонского замка...»

Отец Бернард быстро записывал.

– «...клянусь именем Господа нашего Иисуса и Его Пресвятой Благословенной Матерью Марией в том, что буду обращаться с моей супругой, Изабеллой Лэнгстонской, с уважением и почтением».

Рука священника приостановилась, но, не услышав никаких протестов от Хью, он продолжал писать под диктовку Изабеллы:

– «Я не буду бить мою жену и оскорблять ее грубыми словами».

Алетта де Манвиль задохнулась от ужаса, услышав такие дерзкие слова. Она была уверена, что ее зять тут же прервет девушку, но этого не произошло.

– «В мое отсутствие моя супруга будет полностью распоряжаться Лэнгстоном и его жителями, ибо я считаю ее своей ровней».

Алетта слабо вскрикнула и упала на стул, держась рукой за сердце. «О господи!» – прошептала она, и сердце ее бешено забилося от страха: она ожидала, что Хью Фоконье придет в законную ярость, услышав такое требование.

– Это все, господин мой муж, – спокойно сказала Белли.

– Рольф, отец Бернард, вы оба – свидетели составления этого документа, – сказал Хью и наклонился, чтобы поставить свою подпись. Потом свернул пергамент в трубку и вручил его Изабелле. – Твой первый свадебный подарок, – сказал он, слегка улыбнувшись. – Видишь, я держу свое слово, дорогая.

– А когда будут проходить мои уроки? – спросила она.

– По вечерам, – ответил Хью. – С твоего позволения, мы пока что предоставим ведение домашнего хозяйства твоей матери, весьма умелой в этом деле. По утрам будем с тобой объезжать округ, чтобы ты была в курсе дел, происходящих в поместье. Я думаю, что с наступлением лета мы с Рольфом должны будем присоединиться к королевскому войску. В наше отсутствие тебе придется одной справляться с Лэнгстоном.

Белли кивнула.

– Я пойду за плащом, – сказала она и торопливо удалилась.

– Пока мы будем в отъезде, – сказал Хью своей теще, – проследите, чтобы вещи моей жены перенесли в господские покои, миледи. Мне хотелось бы знать, насколько она осведомлена об интимных отношениях между супругами. Что вы ей рассказывали?

– Я ничего ей не рассказывала, милорд, – ответила Алетта. – До сих пор в этом не было нужды, но сегодня, до наступления ночи, я посоветую ей выполнять все ваши желания, милорд.

Хью прочел в ее глазах отвращение. Ему стало очевидно, что Алетта не была счастлива в постели со своим покойным мужем. Очень хорошо, что она не стала ничего говорить Изабелле и внушать ей собственный страх и отвращение.

– Не говорите Белли ничего, миледи, – мягко попросил он. – Я добрый человек и не обижу ее.

Облегчение, которое испытала Алетта, было почти осязаемым. Она присела в реверансе и заторопилась прочь, взмахнув синими юбками.

– Тебе придется ухаживать за ней очень нежно, Рольф, – сказал Хью своему другу.

Рольф де Бриар уже хотел было протестовать, но передумал и сказал со вздохом:

– Она самая прекрасная из всех женщин, которых мне доводилось встречать. Я хочу жениться на ней, Хью. Это тебя удивляет? Ты позволишь мне это? Она ведь сейчас под твоим покровительством.

– Ты мог бы найти себе женщину помоложе, – сказал Хью. – Ей уже за тридцать, и не исключено, что она не сможет родить тебе детей.

– Это меня не волнует, – сказал Рольф.

– Тогда, если тебе удастся завоевать ее благосклонность, Рольф, то у меня не будет никаких возражений. Ты ровня ей. Ты рыцарь. Ты сенешаль Лэнгстона. Но помни, что ты должен быть с ней ласков и нежен. Я подозреваю, что леди Алетта не была счастлива с Робертом де Манвилем. Должно быть, он обижал ее и добился, что его жена ненавидела супружеские объятия.

Рольф де Брияр кивнул:

– Она намекала, скорее недомолвками, чем прямыми словами, что не любила его.

– Скоро весна, – с легкой улыбкой сказал Хью. – А путь к сердцу женщины весной отыскать легче, чем в другое время года. Предоставляю тебе решать свои дела самому: мне предстоит многое решить с моей Белли. – Он усмехнулся.

– Кажется, вы с ней начинаете приходить к какому-то согласию, – заметил Рольф, подмигнув другу. – Мое бедное сердечко едва не выпрыгнуло из груди, когда ты попросил священника обвенчать вас, а она чуть не завопила от ярости. Но... этот документ, который ты подписал... Никакой суд его не признает. Божий закон и законы Англии предоставляют мужчине полную власть над женой. Ты же знаешь это, Хью.

– Знаю, – согласился хозяин Лэнгстона, – но этот документ придает Изабелле уверенность. Она никогда не узнает о законе, потому что у нее не будет необходимости, Рольф. Я ведь не скотина вроде ее отца!

– Ты слишком мягкосердечен, – пробормотал Рольф.

– Только с моей красоткой, – улыбнувшись, ответил Хью. – Она очаровала меня, Рольф. Мне нравится ее характер. С ней можно куда лучше проводить время, чем в спорах и ссорах. Я хочу зачать моих детей в любви, как зачали меня мои родители, упокой Господь их юные души.

– Милорд! – Изабелла стояла у двери в зал, нетерпеливо притопывая. – Ты идешь? Или намерен весь день проболтать со своим сенешалем?

Друзья рассмеялись и, взяв плащи у стоявших в ожидании слуг, последовали за Изабеллой. Земля была покрыта свежим снегом, но Изабелла сказала, что настоящая метель начнется позже, вечером. Они объехали поместье. Изабелла показывала поля, которые должны остаться под паром, когда начнется сев, и где нужно сеять пшеницу, ячмень и рожь.

– Крестьяне должны работать на наших полях по три дня в неделю, – сказала Изабелла. – Когда сев окончится, нам не придется занимать у них много времени. Мой отец всегда нагружал их, но я обнаружила, что они работают на меня гораздо лучше после того, как я позволяю им обработать собственные поля. В пору сбора урожая работают все вместе, переходя от одного поля к другому, начиная, естественно, с господских земель. Я позволяю им подбирать колосья на полях и падалицу в садах, когда соберут весь урожай.

– Ты была прекрасной хозяйкой, красавица моя, – сказал Хью своей молодой жене.

– Крестьяне не любили меня, потому что я – дочь нормандского лорда и женщина; но я ничего не спускала им с рук, – мрачно заявила Изабелла. – Не хотела допустить, чтобы Лэнгстон пришел в упадок!

«Как странно», – раздумывал Хью по дороге. При всем том, что он был законным саксонским наследником Лэнгстона, Изабелла в большей мере, чем он, принадлежала этому поместью: ведь она родилась и выросла здесь. Ему было приятно сознавать, что она обладает таким чувством достоинства и благородства, что так предана Лэнгстону. Он надеялся, что в один прекрасный день его дед и бабка, оставшиеся у себя на западе, приедут сюда в гости и увидят Изабеллу. Он почему-то был уверен, что им понравится эта чертовка, которую ему дали в жены.

На обратном пути повалил густой снег. Проезжая по деревне, всадники видели дым, поднимающийся из дымоходов крестьянских домов. Погода ухудшалась, и на улице не осталось даже собак. Было уже за полдень, и Алетта подготовила к их возвращению горячий обед: жареная утка, пирог с рубленой олениной, густая похлебка из овощей, сваренные вкрутую яйца, хлеб, масло и сыр. Сидевшие за высоким столом ели с серебряных тарелок и пили вино из серебряных кубков. Для челяди предназначалась деревянная посуда. Потом на господский стол поставили большую чашу с яблоками и грушами. Фрукты выглядели удивительно свежими и на вкус были такими же. Хью не смог не отметить этого вслух.

– Мы собрали урожай в октябре, – сказала Алетта, – и я опустила плоды в воск, чтобы они лучше сохранились, а потом держала в сухой прохладной кладовой. И вот результат: на дворе февраль, а фрукты – точь-в-точь как будто их только что сорвали с дерева.

– Это очень разумно, миледи, – поспешно похвалил Рольф.

– Этому фокусу меня научила моя тетушка, – объяснила Алетта.

В этот же вечер отец Бернард начал обучать Изабеллу грамоте. Она оказалась сообразительной девушкой и быстро освоила алфавит. Алетта сидела за ткацким станком, довершая гобелен, над которым трудилась уже больше года. Хью и Рольф обсуждали хозяйственные дела; оруженосцы собрали в оружейной комнате не занятых караулом новобранцев и учили их, как заботиться о доспехах и оружии. Стемнело, и ветер за стенами замка завывал, как раненый зверь: поднималась метель. В зале было немного дымно: у одного камина засорилась вытяжка. К ужину подали хлеб, сыр, холодное мясо и тушеные фрукты. Постепенно стали расходиться слуги: зал Лэнгстонского замка использовался для ночлега только во время военной угрозы. Обычно слуги, как и оба оруженосца, спали на чердаке над залом. Алетта подошла к дочери:

– Я велела Иде и Агнессе приготовить для тебя ванну в купальне. Пойдем, я помогу тебе, Изабелла. Сегодня твоя первая брачная ночь. Пока вас не было, мы перенесли все твои вещи в господские покои, где ты отныне будешь жить со своим мужем. Агнесса может остаться с Идой в моей спальне, если ты не захочешь взять ее с собой, но сегодня ночью этого нельзя сделать.

Изабелла молча поднялась. Она совсем забыла об этой стороне супружеской жизни. Как глупо с ее стороны забыть о том, что она будет спать в одной постели с Хью Фоконье! Девушка последовала за матерью в купальню, позволила женщинам помочь ей раздеться, заколола косу и забралась в каменную ванну.

– Чем здесь пахнет? С каких это пор меня купают в ароматной воде? – возмутилась она.

Агнесса захихикала, но Ида толкнула ее локтем в бок.

– Это лаванда, госпожа. Новобрачная должна сладко пахнуть, чтобы понравиться мужу.

– Неужели мужчинам нравится такая вонь? – Изабелла недоуменно посмотрела на Иду.

– Когда ты обсохнешь, аромат уже не будет таким крепким, – тихо объяснила Алетта. – Но мужчинам действительно приятно, когда от женщины сладко пахнет.

Белли без помощи служанок принялась тщательно намыливаться. Потом ополоснулась и выбралась из ванны, чистая и порозовевшая. Агнесса вытерла ее насухо, Алетта вручила дочери чистую рубашку. Изабелла надела ее и вынула заколку из косы. Потом чихнула.

– Все еще пахнет этой проклятой лавандой, мадам, – проворчала она.

– Это свежий и приятный аромат, – возразила Алетта. Потом указала дочери на маленькую дверцу в стене, которую Белли прежде никогда не замечала. – Эта дверь ведет в господские покои, дочь моя. Тебе не придется идти через зал. – Алетта поцеловала Изабеллу в лоб. – Спокойной ночи, дитя мое. Да пошлет тебе Господь мирный сон. – Затем, открыв дверцу, она буквально втолкнула Изабеллу в соседнюю комнату и закрыла за ней дверь.

Белли прежде очень редко бывала в господских покоях: пока отец жил в замке, он не допускал, чтобы его уединение нарушал кто-либо, кроме Алетты. А когда отец уехал, Алетта предпочитала находиться в зале – за исключением ночного времени, поскольку ночевала она по-прежнему в господской спальне. Белли огляделась вокруг: здесь был камин, узкие окна плотно закрыты, и комната казалась теплой и уютной. Изабелла не могла даже припомнить, чтобы где-нибудь еще в замке было так жарко: серые каменные стены были сырыми и холодными. Летом это оказывалось преимуществом, но не зимой.

– Иди сюда, Белли, посиди со мной, – позвал ее Хью.

Изабелла вздрогнула от испуга, не заметив сначала его присутствия. Но потом увидела, что Хью сидит у камина на стуле с прямой спинкой.

– Но мне не на что садиться, милорд, – возразила Белли.

В свете камина она увидела, что Хью протянул к ней руку.

– Мы поместимся здесь оба, – ответил он. – Иди.

Хью был крупным мужчиной, да и ее нельзя было назвать миниатюрной. Белли не представляла себе, как они смогут вдвоем уместиться на узком деревянном стуле, но все же подчинилась и подошла к нему. Хью обнял ее и усадил к себе на колено. Изабелла застыла от изумления, потом попыталась встать, но Хью держал ее крепко.

– Разве это не чудесно? – спросил он. – Опустить голову мне на плечо, красавица моя. Так тебе будет удобнее.

Белли сидела не шевелясь, едва дыша.

– Что ты делаешь, милорд? – нервно спросила она. Какого черта он ее держит?

– Я пытаюсь обнять мою милую женушку, – сказал Хью.

Белли не знала, что на это ответить, и промолчала.

– Ты боишься, красавица моя? – ласково спросил он.

– Боюсь?! – Ее звонкий голос дрожал, но она пыталась сохранить обычный насмешливый тон. – Чего я должна бояться, милорд?

– Должно быть, близости между мужчиной и женщиной. – В голосе его слышалась нежность и даже понимание. Это раздражало ее. Он обращается с ней как с ребенком, а она уже давно не дитя!

– Я ничего не знаю о подобной близости, милорд, – проговорила она сквозь зубы.

– Ты невинная девушка благородного происхождения и не должна ничего знать, – сказал Хью. – Поэтому я и пытаюсь просветить тебя в этом вопросе –

настолько бережно, насколько это в моих силах. То, что происходит между мужчиной и женщиной в постели, может быть весьма приятно для них обоих. Я знаю, что твое сладкое тело доставит мне огромное наслаждение, красавица моя; но хочу, чтобы и ты получила от меня такое же удовольствие.

– Я видела, как спариваются животные, – тихо пробормотала Белли.

– Мы не животные, – возразил Хью, склонив ее голову к себе на плечо. – Ты смелая девушка, Белли, но все девушки боятся неизвестного. Доверься мне, дорогая. – Он погладил ее по голове. – Позволь мне руководить тобой. Я буду нежным, обещаю.

Изабелла не знала, как на это реагировать. Она чувствовала себя в дурацком положении, и это ее злило. Но тут Хью принялся умело развязывать ее рубашку. Белли вцепилась в его руки, изо всех сил стараясь не закричать.

– Тише, тише, дорогая, – ласково упрекнул ее Хью и легко стряхнул ее руки, словно двух мотыльков. Успешно справившись с завязками, он стянул мягкое льняное полотно с ее плеч, обнажив девушку до талии.

Не зная, что делать, Изабелла громко закричала, но Хью прижался к ее губам, заглушив крик. Отстранившись, она уперлась ладонями в его грудь.

– О, прошу тебя, не надо! – прошептала она.

К ужасу Белли, глаза ее наполнились слезами, и одна слезинка скатилась по щеке, оставив на побледневшей коже длинную влажную дорожку.

Наклонившись к ней, Хью поймал эту слезинку кончиком языка. Он смотрел ей в глаза не отрываясь.

Изабеллу била крупная дрожь: она не могла сдержать бурю чувств, которую пробудил в ней этот поступок.

Хью увидел страх в ее глазах. Он снова ласково обнял ее.

– Не бойся меня, дорогая, – попросил он. – Ты – моя жена, ты так прекрасна. Я не могу сдержать свое желание.

– До тех пор, как ты поцеловал меня прошлой ночью, – ответила Изабелла, – ко мне не приближался ни один мужчина. Я думала, что целоваться глупо, но ты показал мне, что это может принести наслаждение. Что же ты сейчас хочешь сделать со мной, милорд? Это тоже приятно?

Хью глубоко вздохнул.

– Я научу тебя, красавица моя, – сказал он. – Мы с тобой соединим наши тела сладкими узами.

О Матерь Божья! Имел ли он прежде дело с девственницей? Едва ли, подумал Хью. И это оказалось сложнее, чем он надеялся. Если торопить девушку, она испугается и никогда не простит ему этого. Надо быть очень терпеливым. А прежде Хью ни разу не попадал в такую ситуацию, когда ему нужно сдерживать свое желание. Он нерешительно протянул руку и нежно сжал ладонью грудь Изабеллы.

– Ах, дорогая, – вздохнул он.

Белли задрожала, но не промолвила ни слова.

Грудь оказалась настоящим чудом. Точь-в-точь спелое круглое яблочко. Хью стал нежно гладить ее, слегка касаясь большим пальцем нежного соска, который почти сразу же затвердел от его прикосновения. Потом он точно так же приласкал вторую грудь и сказал Изабелле:

– Я никогда не видел таких прелестных грудок, как у тебя, красавица моя. Я их поцелую.

– Нет, не сейчас! – выдохнула Белли, слегка заерзав на коленях Хью, когда его рука скользнула вниз по ее телу, стягивая рубашку. Пальцы его ненадолго задержались на гладком животе Белли, а потом опустились ниже и зарылись в шелковистые волосы. Изабелла не могла перевести дыхание. Потом он снова поднял ее на ноги. Глаза его затуманились, но он говорил тоном, не терпящим

возражения:

– А теперь, дорогая, я хочу снять свое белье, как только что снял твое. Я хочу почувствовать твои руки на своем теле, красавица моя. – Во взгляде его читалась настойчивость.

Изабелле стало любопытно, хотя она понимала, что, кроме рубашки, на нем нет никакого белья. И в отличие от ее рубашки, закрывавшей лодыжки, его рубаха доходила только до колен, а по бокам у нее были длинные прорези.

Белли неуклюже развязала завязки и стянула рубашку с плеч мужа. Теперь он был обнажен до талии. Грудь его оказалась очень широкой и гладкой, плоские соски – большими и розовыми. Замирая от страха, Белли дотронулась до него и с удивлением обнаружила, что его кожа такая же мягкая, как и у нее.

– Чудесно, – сказал Хью, подбодряя ее легкой улыбкой.

Изабелла смущенно покраснела, потому что не могла справиться с собственными руками. Они не хотели отрываться от Хью и продолжали ласкать его широкую грудь. Пальцы Белли поглаживали его кожу, и она чувствовала его тепло. Хью взял ее руку в свою. Поднеся ее к губам, он неторопливо поцеловал внутреннюю сторону запястья, а потом – ладонь. Серебристо-голубые глаза Хью неотрывно смотрели в золотисто-зеленые глаза Изабеллы. У нее перехватило горло. Хью прижал ее ладонь к своей щеке и надолго задержал, прежде чем отпустить. Белли неуверенно прижалась лицом к его плечу. Все это было так ново и совсем не страшно, хотя Белли думала, что предпочла бы умереть, чем позволять ему такие вещи.

Хью ласково покачивал ее в своих объятиях, поглаживал ее по волосам. Развязал ленту, стягивавшую ее косу, умелыми пальцами расплел золотисто-рыжие пряди и распустил ее густые пушистые волосы по плечам. Потом шумно втянул носом воздух:

– Что это за аромат, дорогая? Он великолепен!

– Лаванда, – прошептала Белли.

Хью двумя пальцами приподнял ее подбородок, твердо, но без нажима повернув к себе лицо девушки. До этой секунды он никогда не видел ее так близко. У Изабеллы было овальное лицо и четко очерченный подбородок с маленькой ямочкой, глаза миндалевидной формы. Один короткий испуганный взгляд, и глаза эти потупились, опустив на бледные щеки густые темные ресницы. Нос Изабеллы был длинным, узким – совершенно типичный надменный нормандский нос; но самым завораживающим в ее лице Хью показался рот. Сочный, с полными губами, он был буквально создан для поцелуев. Прошлой ночью Хью не мог удержаться от соблазна. Не в силах он был сдержаться и сейчас.

Продолжая обнимать Белли, он наклонил голову, чтобы слить свои губы с ее губами. Их обоих окутал сладкий, тонкий аромат ее тела, поглощая все чувства Хью. На мгновение он даже задумался, кто же из них здесь соблазнитель, – настолько сильно было его желание.

Изабелла задрожала, но на сей раз не от холода и не от страха. Грудь Хью внезапно прижалась к ее обнаженной груди. Такое ощущение она не могла вообразить даже в самых буйных своих фантазиях. Прикосновение его кожи невозможно было сравнить ни с чем. С глубоким вздохом она слегка потянулась и сосредоточилась на поцелуе, который оказался таким же чудесным. Сейчас ее вовсе не беспокоило, что Хью несколько не похож на прекрасного нормандского рыцаря из ее грез. И хотя до того, как в жизнь Изабеллы вошел Хью, ее ни разу никто не целовал, какой-то древний инстинкт подсказывал ей, что рядом с ней – настоящий мастер поцелуев. Ей удалось высвободить руки и обвить шею Хью, притянув его голову еще ближе к себе.

Хью застонал и удивил ее, внезапно отстранившись.

– Ах, красавица моя, твои божественные уста могли бы и святого сбить с пути небесной добродетели. – Снова заключив ее в объятия, он нежно провел пальцем по ее губам. – Мне еще многому предстоит научить тебя, милая, – прошептал он, и подернутый дымкой взгляд его серебристо-голубых глаз заставил ее вспыхнуть огнем, горевшим в его теле.

Изабелла покраснела до корней своих золотисто-рыжих волос, когда мягкая льняная рубашка упала к ее ногам, открыв жадному взору Хью все ее прелести. А когда он встал и его рубаха тоже упала на пол, краска смущения залила ее еще сильнее. Не в силах удержаться, она глядела на него во все глаза. Если в одежде Хью казался несколько неуклюжим, то теперь стало видно, что он

весьма недурно сложен. Его длинные, стройные ноги и руки покрывал золотистый пушок, куда более светлый, чем его темно-русая шевелюра. Волосы внизу живота были такого же, почти радужного цвета. Они сверкали, словно золотые нити, и скручивались в плотные завитки, подчеркивая силу его мужского естества. Белли широко распахнула глаза при виде такого зрелища, а потом издала короткий вскрик и отвернулась.

– Я никогда не видела обнаженного мужчину, – объяснила она, хотя этого и не требовалось.

– Ты удивлена? – спросил Хью.

Белли отрицательно покачала головой.

– Я думаю, твое тело... красиво, – проговорила она. – Ох, это слово не совсем подходит, но я не знаю, как сказать это по-другому. «Прекрасно» – это не то, потому что ты не прекрасен, милорд. И потом, прекрасным может быть лицо, но не тело.

Хью тихо рассмеялся.

– Я думаю, ты прекрасна вся, с головы до ног, красавица моя, – сказал он. Потом он легонько сжал ладонями ее лицо и снова принялся ее целовать. Как повезло, что ему досталась в жены такая восхитительная девушка! Имя Изабелла – один из вариантов имени Элизабет. Он назовет церковь, которую обещал построить в Лэнгстоне, в честь Святой Элизабет, чтобы отблагодарить ее за прекрасную жену.

От его лихорадочных поцелуев у Белли закружилась голова. Почувствовав внезапную слабость в коленях, она слегка вскрикнула. Хью подхватил ее на руки и впился губами в соблазнительную впадину на шее девушки, которую она открыла его взгляду, откинув голову назад. Его горячий влажный рот медленно покрывал поцелуями все ее трепещущее горлышко. Потом он, тихо постанывая, прижался губами к ямочке на шее Белли и стал опускаться ниже, к груди. Руки его скользнули к талии девушки и слегка приподняли ее. Хью начал нежно ласкать языком ее твердые напрягшиеся соски.

– О-о-о, Матерь Божья, я больше не могу! – невольно воскликнула Изабелла, тут же возненавидев себя за этот крик. Он наверняка сочтет ее трусихой и станет презирать.

Но Хью бережно перенес ее к дальней стене спальни и опустил на кровать, устроившись рядом.

– Не стыдись, – тихо сказал он. – Ты еще только знакомишься со страстью, Белли. А это очень сильная вещь. Вскоре ты перестанешь бояться ее и будешь только любить. Мое желание уже велико, но я хочу, чтобы и ты узнала наслаждение. – И он начал ласково поглаживать ее тело.

Когда сердце наконец перестало бешено колотиться и Белли снова обрела дар речи, она спросила:

– Мы будем заниматься любовью, милорд? Я не сказала тебе всей правды. Однажды, еще до того как мой брат Ричард вернулся в Нормандию, я видела, как он занимался любовью с крестьянской девушкой. Это было в конюшне. Я зашла туда за своей лошастью. Пока я седлала кобылу, Ричард вошел на конюшню вместе с девушкой. Они меня не заметили. Он прижал ее к стене, задрал ей юбки, расстегнул свою одежду и навалился на нее. Ее крики испугали меня, но когда все закончилось, Ричард поцеловал ее и они ушли вместе, смеясь. Я толком не рассмотрела, что они делали. Он причинил ей боль? Она кричала просто ужасно. Но когда все кончилось, она выглядела вполне довольной.

– Да, твой брат действительно занимался любовью с этой девушкой, – подтвердил Хью, – но он не причинил ей боли. Она кричала от наслаждения, а не от боли или страха.

– А я тоже буду так кричать? – спросила Белли.

– Если захочется, кричи, красавица моя, – прошептал Хью, нащупав кончиком языка мочку ее уха. Потом слегка подул, и по спине Белли пробежала дрожь.

– Я думаю, ты, наверное, безнравственный человек, милорд, – тихо проговорила Белли. – Ты и меня сделаешь безнравственной?

– Очень безнравственной, – прошептал он в ответ. Повернувшись на бок, он наклонил голову и стал целовать ее груди.

– Ах-х-х! – вздохнула Белли.

Губы его нашли маленький твердый сосок и впились в него со страстью.

– О-о-о! – закричала она: ей показалось, словно все ее тело пронзила молния. Губы его были так настойчивы, они требовали от нее чего-то еще неизвестного. Изабелла протянула руку, чтобы оттолкнуть его, но вместо этого пальцы ее зарылись в рыжеватые волосы Хью, прижимая его голову еще теснее к груди. Грудь начинала сладко ныть. И где-то между бедер возникал странный, незнакомый трепет. Изабелла застонала, но вторая рука Хью уже ласкала ее живот; его опытные пальцы отыскивали дорогу к средоточию этого трепета, нашли и коснулись его. Белли изогнулась дугой навстречу его пальцам, почти всхлипывая от облегчения, хотя не смогла бы объяснить почему. Она еще не понимала своего тела.

– Не бойся, дорогая, – ласково шепнул Хью. – Я хочу подготовить тебя, чтобы ты приняла мою плоть в свое нежное невинное тело. Это, – продолжал он, поглаживая пальцем пульсирующий бугорок, – это жемчужина твоего наслаждения. Если я дотронусь до нее вот так... – Белли резко вскрикнула, – ты испытаешь восхитительные ощущения, не так ли, моя сладкая?

– Да-а-а! – выдавила она сквозь стиснутые зубы. – О, милорд, это так хорошо! Только не останавливайся, умоляю!

С улыбкой, которую Белли не могла бы заметить в полумраке спальни, Хью продолжал ласкать ее. И его усилия были вознаграждены тихими стонами, подсказавшими ему, что он близится к цели.

– Я хочу доставить наслаждение тебе, – внезапно сказала Изабелла, попытавшись сесть на постели, но Хью заставил ее снова опуститься на подушки.

– Не сейчас, дорогая, – хрипло проговорил он. Заглушив ее возражения поцелуем, он тихо скользнул пальцем в глубину ее плоти и остановился, нащупав девственную плеву. Белли вскрикнула, оторвавшись от его губ. Проход

был узким, но Хью знал, что он расширится, чтобы принять его. Взяв Белли за руку, он накрыл ее ладонью свое мужское достоинство.

Нежные пальцы Белли пробежались вдоль него, и Хью явственно услышал ее изумленный вздох.

– Это и есть твое желание? – робко спросила она. – По-моему, оно очень велико, милорд.

Жар, исходящий от его плоти, волновал ее. Сердце ее бешено застучало. Белли стало страшно, хотя она ни за что бы не созналась в этом. Хью пообещал, что доставит ей наслаждение, и она не считала его лжецом. Кроме того, сладкий трепет рос в ее собственном теле с каждым мгновением. Инстинкт подсказывал, что, только соединив свои тела, они достигнут того облегчения, которого оба так жаждали.

– Ты можешь овладеть мною, милорд, – сказала она. – Я готова, но ты должен сказать, чего хочешь от меня, поскольку я невежественна в этом.

«Какая она храбрая!» – восхищенно подумал Хью. Голова его лежала у нее на груди, и он отчетливо слышал, как сильно бьется ее сердце. Пора приступить к делу: так они скорее смогут доставить наслаждение друг другу. Белли не испугалась его ласки и не осталась безразличной к нему, это предвещало настоящее блаженство.

– Раздвинь ножки, сладкая моя, – прошептал Хью.

Белли повиновалась, и он лег между ее округлых шелковистых бедер. Потом осторожно прижался к ее телу, постепенно продвигаясь вперед. Желание было уже почти нестерпимым, но он не хотел причинить ей боль. Складки раздвигались, мягко охватывая входящую плоть. Жар обжигал кожу.

Изабелла напряглась от ожидания. Она ощущала, как ее плоть раскрывается навстречу ему словно цветок. Она боялась, но в то же время чувствовала огромное возбуждение. За всю жизнь она еще ни разу не переживала ничего с такой остротой. От чувственного ритма неторопливых толчков у нее закружилась голова. Белли вцепилась ногтями в мощные плечи Хью, словно умоляя его продолжать двигаться вперед. Вперед – к чему?!

– Пожалуйста! – воскликнула она. – Прошу тебя!

И в ответ на ее мольбу он слегка подался назад, а затем с силой ударил, разрывая плеву. Короткая вспышка боли отдалась в ее животе и бедрах, заставив Белли на мгновение застыть и задохнуться от потрясения. Хью тут же остановился. К собственному изумлению, Белли разрыдалась. Хью утешал ее, ласкал, осушал губами слезы. Лишь когда он убедился, что боль полностью прошла, он снова начал двигаться, пока Изабелла не застонала от чистого, ничем не омраченного наслаждения.

Боль оказалась неожиданной и острой, но она исчезла почти мгновенно, предоставив Изабелле гадать, была ли она на самом деле. А потом началось это невероятное блаженство, когда их тела стали двигаться в согласном ритме. Изабелла плыла. Изабелла летела. Это было чудесно! А потом в одно мгновение все ее тело словно вспыхнуло и растаяло, и когда все кончилось, она простонала:

– Еще, милорд!

С довольным смехом Хью обнял ее и поцеловал в самую макушку рыжеволосой головы.

– Да, дорогая, будет и еще, но сначала надо немного отдохнуть, чтобы собраться с силами.

– Теперь я по-настоящему стала твоей женой, Хью Фоконье, – прошептала Изабелла.

– Да, ты – моя настоящая жена, – согласился он. – Когда окончится метель, я пошлю моего оруженосца к королю сообщить об этом. Отец Бернард хочет остаться в Лэнгстоне. Нам для этого понадобится разрешение короля. Ты хочешь, чтобы у нас был священник?

– О да, милорд. Что толку в церкви без священника? – Белли свернулась клубочком у него под боком, впервые в жизни ощущая настоящее удовлетворение. – Он научит меня читать и писать, чтобы я могла лучше управлять поместьем. Он будет крестить детей.

– Ты любишь детей? – спросил Хью.

– Не знаю, милорд, – со сдержанным смешком ответила Белли. – У меня их не было. Но если они будут похожи на моих братьев, думаю, они мне совсем не понравятся.

– Они будут похожи на нас, красавица моя, – ласково сказал Хью. – Когда-нибудь мы отправимся в путешествие на запад, и ты познакомишься с моими дедом и бабкой. Они расскажут тебе, каким я был в детстве. Но сначала я съезжу туда один и привезу своих птиц. Лэнгстон прекрасно подойдет для моих ястребов. Ты умеешь охотиться с ястребом?

– У нас никогда не было ловчих птиц, – ответила Белли. – Ты подаришь мне кречета, милорд? Научишь меня охотиться с ним?

– Обещаю, дорогая. Ты получишь свою птицу, – сказал Хью.

– Верю, милорд, – отозвалась Белли. – До сих пор ты сдерживал все обещания, которые давал. Мне кажется, ты даже начинаешь мне нравиться.

Рассмеявшись, Хью сжал жену в объятиях и принялся покрывать ее страстными поцелуями.

– Ты тоже начинаешь нравиться мне, чертовка, – ответил он.

Глава 5

Снег продолжал идти всю ночь и на следующий день. Изабелла и Хью появились из спальни только к обеду. Рольф со сдержанным смешком подметил, что молодая жена игриво поглядывала по сторонам, а муж казался вполне довольным собой. Ели они с большим аппетитом, говорили мало. После обеда, взявшись за руки, оба снова исчезли за дверьми спальни. Зал опустел: все приступили к дневным обязанностям. Алетта сидела за прялкой; Рольф, положив свой меч на колени, начищал лезвие.

Внезапно Алетта громко разрыдалась, закрыв лицо руками.

– О-о-о, бедное мое дитя, – простонала она. – Бедное дитя.

Рольф отложил меч и поспешил к ней.

– Миледи, что вас встревожило? Не плачьте, умоляю! – Он опустился рядом с ней на колени, пытаясь вытереть ей слезы своей огромной ладонью.

Но Алетта заплакала еще сильнее.

Не зная, что делать, Рольф обнял ее и принялся утешать, ласково поглаживая по голове.

– Не плачьте, дорогая моя, – умолял он. – Я не в силах видеть вас такой несчастной. Скажите, что вас расстроило? Я постараюсь все исправить, Алетта. – Он нежно сжал ее в объятиях.

– Они не выходили из спальни до самого обеда, – сквозь слезы проговорила Алетта. – А после еды он снова потащил ее в постель. Бедная моя дочь! Он издевается над ней! Никогда бы не подумала, что Хью Фоконье окажется таким... И я ничем не могу помочь моей девочке! Ох, Изабелла! Я должна была предупредить тебя! Почему я не сделала этого! – Алетта подняла взгляд на Рольфа, и его сердце едва не разорвалось при ее словах: – Она никогда не простит меня! Никогда!

Рольф и раньше знал, что покойный муж Алетты не отличался особой добротой; но теперь он убедился, что Роберт де Манвиль был настоящим зверем, терзавшим свою жену. Но Хью ведь совсем другой человек!

– Миледи, – как можно нежнее произнес Рольф, – ваша дочь – просто счастливица, клянусь вам! Разве вы не видели ее, когда они с милордом вышли к обеду? Она вся сияла от счастья. Хью – добрый человек. Он никогда не заставит женщину страдать. Вы заблуждаетесь в своих догадках.

– Да? – Рольф заметил муку в голубых глазах Алетты. – А почему они не встали с рассветом и не приступили к обычным делам? Зачем еще он мог потащить ее

обратно в спальню, как не на муку? – Алетта вздрогнула от отвращения и только сейчас обнаружила, что Рольф обнимает ее.

– Леди Изабелла вовсе не выглядела оскорбленной или несчастной, – тихо сказал Рольф, заметив ее смущение и разжав объятия. – Я знаю Хью с детства. У нас была одна первая женщина, мы вместе испытали множество приключений. Хью – нежный любовник. Он всегда доставлял женщинам удовольствие. Уверен, что ваша дочь не исключение, леди Алетта. – Рольф продолжал стоять рядом с ней на коленях и глядеть ей в глаза.

Алетта недоверчиво посмотрела на него.

– Какое удовольствие?! – прошептала она. – Какое удовольствие может получить порядочная женщина от мужского желания?

– Может, если тоже испытывает желание, – ответил Рольф. – Неужели вы никогда не желали мужчину, миледи Алетта? Ни разу в жизни?

– Мне было четырнадцать лет, – откровенно сказала Алетта, – когда меня выдали замуж за Роберта де Манвиля. Поскольку я очень рано осталась сиротой, до десяти лет меня воспитывали дядя и тетушка. Потом меня с моими кузинами отдали в местный монастырь, где мы должны были оставаться, пока нам не подыщут подходящую брачную партию. В монастыре не было мужчин, кроме престарелого священника, который исповедовал нас и вел службу. В детстве я лишь несколько раз видела мельком Роберта де Манвиля: он жил с нами по соседству. Он никогда не ухаживал за мной. Когда я вышла за него, мы совершенно не знали друг друга. Стыдно сказать, но я никогда не испытывала к нему ничего, кроме, пожалуй, страха и отвращения.

– Он был жесток с вами, – прошептал Рольф. Это было утверждение, а не вопрос.

Алетта подняла на него затуманенные слезами глаза. А потом, к его удивлению, стала рассказывать дальше, поведав о всех тех ужасах, которые ей довелось пережить в первую брачную ночь и в другие ночи, последовавшие за ней, до тех пор, пока наконец беременность не избавила ее от супружеских обязанностей. А потом, когда милосердие Господа лишило Роберта де Манвиля мужской силы, он обвинял ее в своей неспособности. Алетта рассказала Рольфу о жестокости мужа, о побоях, которые она претерпела. Наконец, полностью опустошенная,

Алетта снова умолкла. После долгого молчания Рольф сказал ей:

– Если бы вы были моей женой, Алетта, я уважал бы вас и обращался бы с вами нежно. Я научил бы ваше тело петь от радости при моем прикосновении. Вы бы никогда не боялись мужчину, если бы стали моей.

Рольфа потрясла исповедь Алетты. Он знал, что многие мужчины грубы со своими женами, но ни он сам, ни Хью никогда не были жестоки с прекрасным полом. Лишить девушку невинности, прижимая ее к лошадиной холке, – это ужасно. Рольф хотел получить возможность доказать Алетте, что не все мужчины так грубы, что страсть может быть сладостной.

– Даже если король прикажет, я никогда больше не выйду замуж, – с угрюмой решимостью произнесла Алетта. – Лучше умереть, чем снова стать собственностью мужчины.

– Но теперь хозяин Лэнгстона – Хью Фоконье, – напомнил ей Рольф. – Вы уже и так находитесь в его распоряжении, миледи Алетта.

– Он не станет огорчать меня, если я буду хорошо вести хозяйство, Рольф де Брияр. Он не станет заставлять меня служить его низменным желаниям. Это, увы, пришлось на долю моей бедной Изабеллы. – Внезапно Алетта снова заметила, как близко к ней находится Рольф. Она залилась нервным румянцем, и, увидев это, Рольф поднялся с колен.

– Хью никогда не выгонит вас из замка, миледи, – сказал ей Рольф, – но, когда ваша дочь полностью примет на себя все обязанности, для вас не останется места в управлении хозяйством. Что вы будете делать? Вы еще молоды, вы гораздо красивее вашей дочери.

– Вам не следует говорить подобные вещи, Рольф де Брияр, – упрекнула его Алетта. – По-моему, вы чересчур дерзки.

– Нет, – ответил он с улыбкой. – Меня никогда не называли чересчур дерзким – скорее наоборот. Но я честно предупреждаю: я намерен ухаживать за вами. Милорд Хью не имеет никаких возражений на этот счет; я уже высказал ему свое восхищение вами. Я докажу вам, милая Алетта, что не все мужчины грубы и жестоки. Вы станете моей женой, и выше моей любви к вам будут стоять только

преданность Хью Фоконье и королю Генриху. Что вы на это скажете? – Взгляд Рольфа был теплым, голос – твердым и решительным.

– Я скажу, что вы сошли с ума, Рольф де Бриар, – ответила Алетта. – Я уже сказала, что ни за что не лягу в постель с мужчиной. Не хочу зависеть от вашей милости, как прежде зависела от милости Роберта де Манвиля!

– По-моему, миледи Изабелла пошла не в отца, а в мать, – поддразнил Рольф Алетту. – У вас самые соблазнительные на свете губки, моя милая.

Изумленная Алетта вспыхнула, резко вскочила и выбежала из зала в свою относительно безопасную спальню. Что бы там ни говорил о себе Рольф де Бриар, он все же чересчур дерзок. Однако его слова почему-то тронули ее. Еще ни один мужчина не говорил с ней подобным образом. Не говорил, само собой, и покойный муж. Может быть, это и есть то, что ее кузины называли ухаживанием? Ее разговоры с Робертом были по преимуществу односторонними. Роберт говорил, чего от нее хочет. Алетта повиновалась. Роберт осуждал ее за какой-либо проступок, настоящий или вымышленный. Алетта приниженно просила прощения за все, чем он был недоволен.

Ни разу за все годы супружеской жизни Роберт де Манвиль не сказал, что любит ее, что ценит, что она доставила ему удовольствие. Когда родилась Изабелла, Роберт пришел в ярость из-за того, что Алетта родила ему дочку, а не еще одного сына. Он даже не возблагодарил Господа и Пресвятую Богоматерь за то, что Алетта благополучно миновала опасности родов, или за то, что девочка родилась здоровой и крепкой.

Сыновья Роберта были немногим лучше своего отца. Старший, Уильям, казалось, считал Алетту каким-то образом ответственной за смерть его матери, хотя до свадьбы Алетта не была знакома с де Манвилями. Уильяму было восемь лет, когда его мать умерла от трудных родов; третий сын Роберта, родившийся мертвым и похороненный вместе с матерью, стал постоянной темой упреков, которыми Роберт осыпал Алетту. Сибилла знала свои обязанности; Уильям был любимцем своей покойной матери; Алетта понимала, что не сможет заменить Сибиллу в сердце ее сына, но надеялась по крайней мере стать для него доброй мачехой. Но Уильям не допускал этого, а ужасная старуха, нянька Уильяма, а до того – его матери, поощряла в мальчике грубость, дурное поведение и открытую вражду к Алетте.

С Ричардом, младшим пасынком, дела обстояли лишь ненамного легче. Он был вторым сыном Сибиллы, и ему прежде уделяли гораздо меньше внимания, чем Уильяму. Ричарду нравились заботы Алетты: в пятилетнем возрасте дети еще нуждаются в материнской ласке. Но несчастный ребенок буквально разрывался между добросердечной мачехой и своим старшим братом, которому он все время старался угодить. В результате он стал вести себя почти так же, как Уильям. В четырнадцать лет Уильям вернулся в Нормандию, чтобы присматривать за поместьем, которое в конце концов должно было перейти в его руки. Ричард, естественно, был уверен, что Лэнгстон со временем будет принадлежать ему. И его разочарование, когда через несколько лет он узнал, что Лэнгстон достанется не ему, а Изабелле, было не очень-то приятно.

– Неужели вы не могли замолвить за меня словечко? – яростно накинулся он на свою мачеху. – Разве Изабелле не было бы достаточно большого приданого? Девушка с толстым кошельком – прекрасная пара для любого землевладельца. Вы обхитрили отца и допустили, чтобы он оставил меня без земли! Уильям предупреждал меня! Он сказал, что вы любите эту рыжую девушку, которую произвели на свет, куда больше, чем меня. Меня обманули. Я этого вам никогда не прощу.

Потом он вернулся в Нормандию, к своему брату в Манвиль. С тех пор Алетта больше никогда его не видела и была этому только рада. Вот и весь ее опыт общения с мужчинами.

И теперь появился Рольф де Бриар, ласково шепчущий на ухо нежные слова, заставляя сердце биться быстрее, что ее совершенно смущало! Ведь она знала, что мужчинам нельзя доверять. Разве жизнь не научила ее хотя бы этому? И все же она не могла отрицать, что Изабелла вовсе не выглядела расстроенной. Вообще она напоминала Алетте большую рыжую кошку, которой досталось ведро сметаны. За всю свою жизнь Алетте редко приходилось удивляться, но этот случай был на самом деле удивительным. Что же смогло превратить ее дикую, своевольную дочку в довольную улыбающуюся женщину? Неужели ее зять до такой степени смог запугать Изабеллу? Но Алетта не слышала никаких криков, хотя полночи просидела в зале прислушиваясь, до тех пор, пока не пришла Ида и не заставила ее прилечь.

В последующие дни Алетта внимательно приглядывалась, но не видела никаких признаков того, что Изабелла несчастлива. Напротив, ее дочь теперь стала

особенно интересоваться домашними обязанностями. Она постоянно расспрашивала о том, как хранить продукты, варить мыло и о подобных делах, имеющих отношение к хозяйству. Кроме того, всякий раз после ужина она торопилась уйти из-за стола вместе со своим мужем. Несколько раз они даже не садились за общий стол, а забирали с собой в спальню хлеб, мясо, сыр и вино и крепко запирали за собой двери. Однажды Алетта расслышала из-за дверей звонкий соблазнительный смех Изабеллы и была совершенно потрясена. Звук был откровенно страстным. Алетта встретила глазами с Рольфом, и тот хихикнул.

– Незачем быть таким самодовольным! – фыркнула Алетта. – Он околдовал ее. Но в конце концов он покажет свое настоящее лицо, как и все мужчины.

– Вы очень невежественны, моя дорогая, – ответил Рольф.

Несколько дней спустя Хью и Изабелла о чем-то яростно поспорили. Изабелла убежала в спальню, гневно захлопнув за собой дверь.

Хью ринулся следом за ней, в ярости пнул ногой дверь и крикнул:

– Немедленно открой, Белли! Я не хочу ночевать в зале на полу из-за твоих капризов!

Алетта в ужасе смотрела, как ее зять ворвался в спальню, с такой силой хлопнув дверью, что она чуть не слетела с петель. Сидевшие в зале отчетливо слышали доносившиеся из-за двери звуки сражения. Сначала раздавались крики. Потом послышался звон бьющейся посуды. Затем все вдруг умолкло. Алетта в ужасе подбежала к двери спальни, но ничего не услышала. Вся дрожа, она прошептала:

– Он убил ее! Он имел на это право. Ах, Изабелла!

– Вероятнее всего, – спокойно произнес Рольф, – он сейчас целует ее. В конце концов, это ведь была любовная ссора, моя дорогая.

– Откуда вы знаете? – требовательно спросила Алетта, когда Рольф осторожно оттащил ее от дверей спальни и усадил в кресло у камина.

– Миледи Изабелла увидела сегодня утром Хью, беседующего с очень хорошенькой крестьянкой. Девушка бесстыдно кокетничала, пытаясь подольститься к хозяину. Хью это позабавило. Ему просто понравилось, как она себя ведет, хотя он и не думал поощрять ее. Я заметил, что леди Изабелла видела их вместе. Вы не заметили, что она сегодня целый день ворчала на Хью? Леди Изабелла ревнива. Мне кажется, она полюбила своего мужа. И сейчас, подозреваю, они решают свои разногласия именно тем способом, каким пользовались влюбленные во все века и по всему свету. Кроме того, Хью – вовсе не грубиян, дорогая моя. Скорее уж леди Изабелла ударит его, чем он – ее. Ваши страхи, как обычно, беспочвенны.

Алетта ничего не ответила, и Рольф подумал, что проблема решена. Вскоре Ида пришла к своей хозяйке, чтобы помочь ей лечь в постель. Рольф предавался сладким мечтаниям, продолжая сидеть у огня и глядя на языки пламени, танцующие среди больших поленьев. Потом он задремал, но внезапно проснулся от какого-то непонятного звука. Схватившись за меч, он осторожно обвел взглядом зал. Все было в порядке. Рольф поднялся и тут заметил Алетту в белой ночной рубашке, скорчившуюся у дверей спальни Хью и Изабеллы. Рольф со вздохом подошел к ней и ласково заговорил:

– Алетта, дорогая моя, что вы делаете?

Волосы ее были распущены, в глазах застыл ужас.

– Я ничего не слышу, – всхлипнула она.

– Потому что Хью и миледи либо спят, либо заняты друг другом, дорогая моя, – объяснил Рольф. Наклонившись, он поднял ее с пола.

Алетта взглянула ему в лицо. Печаль в ее нежно-голубых глазах разрывала его сердце.

– Я так боюсь, – тихо проговорила она.

Рольф подхватил женщину на руки, потому что в этот момент леди Алетта потеряла сознание. Несколько секунд он держал ее, не соображая, что делать. Как вернуть ее в спальню, не потревожив двух служанок, которые спали вместе с ней? Они поднимут крик и панику. И тогда страхи Алетты станут известны

всем. Рольф чувствовал сердцем, что никто не сможет исцелить ее от этих страхов, кроме нежного любовника. Он быстро направился к своей спальне, открыл дверь, не выпуская из рук Алетту, и положил ее на кровать. Потом, закрыв за собой дверь, разделся до рубашки и улегся в постель рядом с Алеттой.

Алетта слегка пошевелилась.

– Где я? – прошептала она.

– Вы со мной в моей спальне, – тихо ответил Рольф.

Алетта задрожала.

– Отпустите меня, милорд, – умоляющим тоном произнесла она.

– Дверь не заперта, Алетта, – сказал Рольф, – но если вы останетесь, моя дорогая, я докажу вам, что не стоит бояться мужского желания.

– Вы хотите принудить меня к этому? – Голос ее дрожал, как и все тело.

– Ни в коем случае! – страстно возразил Рольф. – Я ничего не потребую от вас, Алетта, кроме того, что вы сами захотите дать мне. Я ведь уже сказал: я не дикарь. Роберт де Манвиль был скотиной, и вы решили, что все мужчины таковы, но это неправда. Вы боитесь за свою дочь, но ведь так ясно, что леди Изабелла наслаждается страстью, которую разделяет со своим супругом. Если вы решите покинуть меня сейчас, я, конечно, буду сожалеть об этом, но я все пойму и буду терпеливо ждать. Вы можете не верить мне, но я полюбил вас в тот миг, как только впервые увидел. Вы знаете, я хотел бы стать вашим мужем. Кроме вас, мне не нужна никакая другая женщина, дорогая моя.

Алетта лежала тихо, не говоря ни слова. Столько лет прошло с тех пор, когда она в последний раз спала в одной постели с мужчиной. А еще больше времени прошло с тех пор, как она отдавалась мужчине. Алетта вздрогнула. Ей было холодно. Она знала, что ей следовало бы встать и уйти, но все же что-то в самой глубине ее существа, какой-то крошечный огонек любопытства не позволял ей этого сделать. Да, она запугана, но тупой упрямницей ее назвать нельзя. Рольф де Брияр совершенно не похож на Роберта де Манвиля. Очевидная

привязанность Изабеллы к Хью Фоконье удивляла Алетту. Так же как и страстные признания Рольфа де Бриера.

– Я не какая-нибудь ветреная девчонка из деревни, – неуверенно проговорила она.

– Я хочу, чтобы вы стали моей женой, – твердо ответил Рольф.

– Я никогда больше не выйду замуж! – заявила Алетта.

– Вы предпочли бы стать моей любовницей, а не женой? – поддразнил ее Рольф.

– Я вовсе не это имела в виду! – воскликнула смущенная Алетта.

– Я хочу заняться с вами любовью, – сказал Рольф де Бриер, проведя кончиком пальца по ее носу.

– Ох, я не знаю! Я так боюсь, Рольф, но...

Рольф обнял ее и нежно поцеловал. Его губы мягко прижались к ее губам, осторожно начиная ласкать. Опытными пальцами Рольф развязал шнурки ее рубашки, стянул тонкую ткань с плеч и принялся поглаживать полные груди Алетты.

– Ах! – испуганно воскликнула Алетта. Она помнила, как Роберт мял и сдавливал ее нежные груди своими грубыми жадными пальцами; как он кусал ее соски, заставляя ее визжать от боли. Но Рольф не делал ничего подобного. Пальцы его были нежными, дразнящими. Наклонившись, он стал целовать ее грудь, и когда коснулся губами соска, она застыла от ужаса, но Рольф лишь сосал его, отчего по ее спине пробегала дрожь.

– Ах, моя милая, – произнес он напряженным от страсти голосом, – у тебя самая красивая, самая чудесная грудь на свете! – И он обрушил целый град поцелуев на ее трепещущую грудь.

От его ласк у нее стала кружиться голова. Это было так приятно. Почему же ее муж никогда не прикасался к ней так? Так вот что испытывала Изабелла в

объятиях Хью Фоконье! Неудивительно, что она счастлива.

– Тебе приятно, Алетта? – прошептал ей на ухо Рольф, продолжая осыпать поцелуями.

– Да! – ответила она.

Наслаждение. Она чувствовала наслаждение. Прежде она никогда не испытывала наслаждения от прикосновений мужчины.

Рольф осмелел. Медленно, осторожно он стянул с нее рубашку, обнажив изящное хрупкое тело. Алетта не сопротивлялась, не просила его прекратить, но Рольф чувствовал, как она вся напряглась, словно в ожидании удара. Терпеливо поглаживая ее, Рольф наконец ощутил, что Алетта расслабилась в его нежных объятиях. Наклонившись над ней, он стал покрывать ее тело поцелуями. Алетта вся задрожала.

– Ах, боже мой! – выдохнула она.

Рольф улыбнулся в полумраке спальни, освещенной единственной свечой и лучами молодого месяца за окном. Прижавшись к ней, Рольф скользнул горячим, влажным языком вдоль ложбинки между ее грудями. Потом опустил язык вниз, к ее животу, и поцеловал ее пупок.

– О-о-о-о-о! А-а-а-а-а! М-м-м-м-м! – стонала Алетта, извиваясь от охвативших ее чувств. Она вся пылала от желания, которое раньше никогда не испытывала и даже не подозревала, что такое возможно.

Рольф обнял ее за талию и прижал к себе. Голова ее запрокинулась, светлые волосы упали ему на плечи. Поцелуи Рольфа снова обожгли ее нежную кожу, снова его голова утонула между ее грудей, которые теперь стали твердыми от страсти. Ее сердце бешено стучало. Губы Рольфа сомкнулись вокруг ее соска. Он посасывал и ласкал его языком. Потом перешел к другому. Опустив Алетту на подушки, он приступил к более интимным частям ее тела, сначала поглаживая внутреннюю сторону бедер, потом коснувшись бугорка Венеры. Его пальцы отыскивали маленькую жемчужину, отчего по всему ее телу разлился неведомый прежде огонь.

«Почему я позволяю ему это делать?» – словно сквозь туман подумала Алетта. Она понимала, что должна остановить его, пока не станет слишком поздно, пока он наконец не сорвет с себя маску ягненка и не станет яростным львом. Надо остановить его. Ее ноги сами собой раскрылись, когда волна страсти охватила ее. Надо остановить его! Он уже был сверху. Алетта подняла руки, чтобы оттолкнуть его, но вместо этого обвила его шею и еще крепче прижала к себе. «Да что же это со мной?» Господи, она уже почувствовала его оружие! Оно уже проникло в нее! Оно заполнило ее лоно. Рольф двигался с нежной страстью, и она жаждала его. Она хотела его! Она всхлипывала от желания, ногти ее впились в его широкие мускулистые плечи. Рольф двигался все быстрее и быстрее. Тело Алетты неистово отвечало ему, двигаясь навстречу его толчкам. И это было восхитительно!

Губы его прижались к ее рту, заглушая крики наслаждения. «Никогда, – подумал Рольф, – никогда прежде я не испытывал ничего подобного». Пальцы Алетты сжимали его плечи, ногти вонзались в спину. Напряжение в нем росло, и вот он уже был не в силах сдержаться. Его страсть изверглась в ее прелестное тело, его любовные соки переполнили ее лоно. Они лежали, тяжело дыша после этого огненного всплеска. А потом, сжав друг друга в объятиях, оба зарыдали.

– Выходи за меня замуж! – взмолился Рольф. – Неужели ты не веришь, что я люблю тебя, буду заботиться о тебе и никогда не обижу? Выходи за меня!

– Нет, – тихо ответила Алетта.

Рольф разочарованно выругался.

– Но почему?

– Я уже говорила тебе, – прошептала Алетта, – что никогда не позволю мужчине владеть мной. Но я буду твоей любовницей: ведь ты показал мне, как может быть сладка страсть между мужчиной и женщиной.

– В конце концов я тебя просто убью! – простонал Рольф.

Алетта рассмеялась.

– Нет, – возразила она, поднимаясь с постели. – Ты можешь убить меня только наслаждением, милый мой Рольф де Брияр.

– Куда ты идешь? – спросил он, увидев, что Алетта надела рубашку и направилась к двери.

– В свою спальню, – ответила она. – Если служанки проснутся и увидят, что меня нет, они поднимут страшный крик. Едва ли стоит допускать, чтобы они обнаружили меня в твоей постели, верно? Никто от меня не ожидает чего-либо в этом духе.

– А тебе это нравится! – обвиняюще воскликнул Рольф, и Алетта снова рассмеялась.

– Спокойной ночи, милорд, – сказала она, и в ее душе звучала песнь о счастье. Она никогда не испытывала такого светлого чувства, за исключением разве что того дня, когда родилась Белли.

– Останься, – взмолился Рольф. – Твоя Ида не проснется, любимая! Она храпит так, что в зале стены трясутся. Она крепко уснула.

– Но не Агнесса, – возразила Алетта. Открыв дверь, она тихонько проскользнула в нее и исчезла.

– Черт бы побрал эту Агнессу, – пробормотал Рольф. Какого дьявола служанка Изабеллы делает в спальне Алетты? Если Изабелла не хочет, чтобы Агнесса спала в господской спальне, то почему бы ей не жить на чердаке с другими слугами? И тут у Рольфа в голове мелькнула шальная мысль. Агнесса была красивой, ладной девицей, и Рольф заметил, что она положила глаз на его оруженосца Жилья. Жилья спал на чердаке. Если Жилья пойдет навстречу девушке, она с удовольствием присоединится к прочим слугам и отправится спать на чердак в надежде соблазнить Жилья или уступить его натиску. И тогда Рольф сможет наслаждаться Алеттой в свое удовольствие: ведь ее служанка, Ида, едва коснувшись головой подушки, засыпала так крепко, что ее не разбудили бы и трубы Страшного Суда.

Рольф понимал, что ему нужно чаще бывать со своей возлюбленной наедине, чтобы она наконец выбросила из головы свои дурацкие предубеждения насчет

замужества. Он беспокойно ворочался с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее. «Проклятый Роберт де Манвиль и все ублюдки вроде него!» – угрюмо подумал он. Если бы этот грубиян был хотя бы справедлив со своей женой, Алетта не стала бы возражать против второго брака. Каким же надо было быть подлецом, чтобы обидеть женщину, которая доставляет тебе удовольствие? Нет, храбрый рыцарь так не поступает! И с этой мыслью Рольф наконец уснул.

– Ты заметил, как изменилась моя мать? – несколько дней спустя спросила Изабелла своего мужа, когда они объезжали окрестности, чтобы оценить ущерб, нанесенный недавней бурей. Белли приободрилась, увидев, что никаких повреждений нет. Снег защитил землю. Шестнадцать месяцев тому назад, в Мартынов день[1 - 11 ноября. – Здесь и далее примеч. пер.] случилось такое наводнение, какого не мог припомнить ни один старожил. Морские волны затопили сушу на добрых две мили от побережья, Блит вышел из берегов и залил часть лэнгстонских полей соленой водой. К счастью, соленость здесь, в нескольких милях от моря, была гораздо меньше, чем вниз по реке, где понадобилось бы много лет, прежде чем почва вновь стала плодородной. А в Лэнгстоне с затопленных полей собрали урожай уже в прошлом году. А если следующая зима выдастся снежной и дождливой, то все придет в порядок окончательно.

– А что с ней произошло? – поинтересовался Хью.

– Она стала часто улыбаться, чего раньше не было, и все время напевает, сидя за прялкой. Это так действует на нервы! – брюзгливо пояснила Белли.

Хью некоторое время взвешивал, стоит ли говорить ей правду, и в конце концов решился.

– Твоя мать взяла себе в любовники Рольфа де Бриера, Белли, – сказал он. – Рольф любит ее, и она счастлива. Все очень просто.

– Как ты смеешь клеветать на мою мать? – гневно воскликнула Изабелла и, пришпорив лошадь, поскакала вперед.

Хью погнался за ней через поля и по берегу реки, распугав мирно пасшихся у воды гусей. Они добрались до рощицы, промчались между деревьями и галопом

пересекли поляну. Белли была восхитительной наездницей. Хью гадал, когда же она устанет от этой погони. Почему она так расстроилась, что ее мать счастлива? Быть может, она не понимает, что Рольф хочет жениться на Алетте? Значит, когда он объяснит ей все, она успокоится. Тут лошадь Изабеллы споткнулась, и всадница, перелетев через ее голову, упала в сугроб. Но, к удивлению и великому облегчению Хью, она немедленно поднялась на ноги, смачно выругалась и принялась отряхивать снег с плаща.

Хью соскочил с лошади.

– Ты в порядке, Белли? – обеспокоенно спросил он, подбежав к ней.

Изабелла взглянула на него и со всей силы толкнула кулаком в грудь.

– Лжец! – крикнула она и принялась колотить его кулаками. Она была крепкой и сильной, так что Хью пришлось несладко.

Хью пытался схватить ее за руки, но Белли ловко уворачивалась, продолжая осыпать его ударами.

– Прекрати немедленно, чертовка! – заорал Хью. – Прекрати! Я не солгал тебе. Спроси у своей матери, если не веришь!

– Как ты смеешь думать, что я задам своей матери такой вопрос? – завопила Изабелла. – Я ни за что не обижу ее чувств! Я не оскорблю память своего отца, которого она чтит так же, как и я!

– Твой отец был груб с леди Алеттой! – закричал Хью в ответ. – А Рольф де Брияр нежен и добр с ней. Она никогда не испытывала ничего подобного с мужчиной. Ты знаешь, ведь она думала, будто я издеваюсь над тобой из-за того, что мы слишком много времени проводили наедине! Она по ночам подкрадывалась к дверям нашей спальни, чтобы подслушать, не бью ли я тебя. Ее там находили дважды, один раз – Ида, второй раз – Рольф. А теперь она знает, что мужчина может быть мягким и ласковым. Она больше не боится за тебя. Спроси у нее сама, ты, проклятая чертовка! Лгать – не в моих правилах.

Изабелла уронила руки и вздохнула.

– Я спрошу, – пробормотала она, потом снова села в седло и повернула лошадь к замку.

Хью Фоконье глубоко вздохнул. Какого дьявола он решил, будто укротил ее так легко? И он рассмеялся над собственной наивностью. Изабелла великолепна в постели. Она страстная любовница и быстро всему училась. По крайней мере в этом у них было хоть что-то общее, кисло подумал Хью. Но в его жене было много других неожиданных качеств, кроме любовных способностей. Она оказалась умной, понятливой и преданной. А еще у нее был поистине устрашающий нрав, несколько не пострадавший из-за того, что ей нравилось заниматься любовью с мужем. О да, Хью оказался дураком. Дураком, влюбившимся в собственную жену! Взобравшись в седло, он направил лошадь следом за Изабеллой, гадая, что же он обнаружит дома.

Добравшись до замка, он нигде не увидел Изабеллы, но мальчик-конюх уже вел ее кобылу в стойло. Подозвав парня, чтобы тот принял и его жеребца, Хью спешил и поспешил вверх по ступеням в зал. Алетта за прялкой трудилась над своим гобеленом. Рольф сидел рядом с ней на стуле, бренча на лютне. Белли стояла в тени и смотрела на них. Когда Рольф взял руку Алетты и поцеловал, взгляды их встретились, и в глазах обоих светилась нежность.

Тогда Изабелла прошла на середину зала, не замечая, что муж стоит у нее за спиной.

– Итак, мадам, – надменно обратилась она к матери, – вот как вы чтите память покойного отца! Мне сказали, что вы стали любовницей этого мужчины. Какой позор!

Алетта побледнела, но, вскочив на ноги, смело взглянула в лицо своей дочери.

– Как ты смеешь осуждать меня, Изабелла! – гневно воскликнула она. – Отец, которого ты так любишь, был мне дурным мужем, хотя я никогда не жаловалась на это. Он был и тебе дурным отцом, хоть ты этого и не знаешь. Если бы он любил тебя по-настоящему, то позволил бы мне наказывать тебя за непослушание. Но он потакал твоим капризам... к несчастью для нас обеих!

– Вы были слишком скромны, чтобы посметь жаловаться на Роберта де Манвиля за то, что он якобы плохо с вами обращался, – фыркнула Изабелла.

– Никто, кроме мужа и жены, – быстро ответила Алетта, – не знает, что происходит за закрытыми дверями их спальни.

– Как вы стали смелы, мадам, – презрительно заметила Белли.

– Любовь, дочь моя, сделала меня не только смелой, но и сильной, – негромко ответила Алетта, гордо встав рядом с Рольфом.

– А он любит вас, мадам? – спросила Изабелла. – И если любит, то почему не возьмет вас в жены? Этому мужлану нужно только то, что у вас между ног! Он не оказывает вам должного почтения! Мой отец по крайней мере это делал.

– Я просил вашу мать выйти за меня замуж, леди Изабелла, – вмешался Рольф, – но она отказалась. Однако я собираюсь искать ее руки до тех пор, пока она не согласится, потому что я люблю ее всем сердцем. И я всегда буду оказывать ей почтение.

– Это правда, мадам? – спросила Изабелла.

– Я никогда больше не выйду замуж, – тихо сказала Алетта. – Я не хочу снова оказаться во власти мужчины. Я хочу сама распоряжаться собой.

Отец Бернард, сидевший все это время у камина, поднялся и подошел к спорящим.

– Дочь моя, – обратился он к Алетте, – подобное поведение – не лучший пример для других. Я знаю, что это не в ваших обычаях. Сэр Рольф почтительно предложил вам свою руку. Если вы решили ответить отказом, то можете пользоваться прежней свободой как вдова сеньора де Манвиля. Однако на правах вашего духовного советчика я вынужден запретить вам впредь подобное недостойное поведение. – Священник повернул голову и сурово взглянул в глаза Рольфу де Бриару. – Вам, милорд, я запрещаю плотскую любовь с этой женщиной, Алеттой де Манвиль, если она отказывается стать вашей супругой. Если выслушаетесь меня, вам обоим будет отказано в причастии. Хорошо ли вы меня поняли? – строго спросил он.

Алетта метнула на дочь яростный взгляд и без единого слова вернулась в свою спальню, изо всех сил хлопнув за собой дверью.

– Вы должны дать мне слово чести рыцаря, милорд, – сказал священник. – Женщины слабы, но мужчины еще слабее, если их просят милые дамы. Ваше слово, сэра Рольфа!

– Мое слово, святой отец, – неохотно ответил Рольф и гневно взглянул на Изабеллу, но та ответила торжествующей улыбкой.

Хью поймал ее взгляд.

– Отправляйся в спальню, Белли, – произнес он негромко, но в голосе его звучало что-то, не допускающее ослушания.

Белли открыла было рот, чтобы возразить, но неожиданно свирепое выражение на лице мужа заставило ее повиноваться.

– Да, милорд, – кротко ответила она.

– И оставайся там дожидаться наказания, – добавил он.

Белли прикусила язык, с которого уже был готов сорваться язвительный ответ, и пошла в спальню.

Когда за ней закрылась дверь, Хью повернулся к своему другу:

– Это я виноват. Я сказал ей правду, потому что она заметила, как изменилась Алетта в последние дни. Прости меня, Рольф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

11 ноября. – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/bertris-smoll/chertovka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)